

"Павлиний хвост (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Павлиний хвост

<https://ficbook.net/readfic/3450263>

Автор:

Daykiry (<https://ficbook.net/authors/58532>)

Беты (редакторы):

kaeso (<https://ficbook.net/authors/246743>)

Фэндом:

Ориджиалы

Пейринг или персонажи:

м/м

Рейтинг:

NC-17

Жанры:

Романтика, Юмор, Флафф, Повседневность, POV, Учебные заведения

Предупреждения:

Нецензурная лексика

Размер:

Миди, 51 страница

Кол-во частей:

10

Статус:

закончен

Описание:

Димка Ерохин никогда не отличался скромностью и спокойствием, когда доходило до собственных желаний. И когда дело коснулось Гошки Касьянова, его однокурсника, то он не отступился от своих принципов: засматриваясь уже не первую неделю на весьма впечатляющий бугорок в штанах Гошки, отказать себе в попытке сблизиться с ним Димка не смог. Но кто мог знать, что Гошка, обладая такой драгоценностью, окажется весьма невинным одуванчиком.

Публикация на других ресурсах:

С разрешения.

Примечания автора:

В работе спрятано несколько пасхалок к одной из других моих работ. Кто найдет - тому печенька хд

Редакция 1-7 главы - Loreanna_Dark, 8-10 - kaeso. Спасибо им :3

Содержание

Содержание

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 1

Пара по архитектуре была на редкость скучной. Обычно я с воодушевлением слушаю преподавателя, но сегодня его заменяла Аллочка Борисовна, нуднее которой предметы вёл разве что препод с филфака. Аллочка была, кстати, только на словах Аллочкой. Сейчас

громоздкую бабищу, которая едва в дверь проходила, Аллочкой язык не поворачивался назвать, но это имя прочно приклеилось к ней давно, и точных причин никто не помнит. Даже пятикурсники разводили руками и пожимали плечами: Аллочка стала Аллочкой задолго до того, как они начали учиться в университете.

Плюс ко всему, по аудитории летала муха. И, признаться, даже наблюдение за ней было гораздо интереснее, чем наблюдение за Аллочкой, которая засыпающим голосом диктовала лекцию.

Я огляделся. Женька Смирнова копалась в телефоне, Леха Воронцов строчил что-то в тетради, но явно не лекцию. Леха — начинающий поэт. Слышал, что даже сборник свой издал. Точнее, Леха говорил. Только этого сборника никто в глаза не видел, а Леха любил приврать. Как он сам говорил, «гиперболизировать», потому что он творческая натура, блин. За Воронцовым сидела аккуратная Настюша Ликарева. Вот уж кто сосредоточенно писал лекцию. А как не писать, когда ты староста, отличница, комсомолка и... нет, увы, не красавица. Но группу Настюша вырчала всегда, без выпендрёжа давая ксерокопировать свои лекции.

Взгляд скользнул ниже по аудитории, и я невольно улыбнулся, увидев Гошу Касьянова. Вот уж ради кого стоит приходить в универ. Хотя бы ради того, чтобы полюбоваться на его белобрысую макушку и вздрочнуть в туалете, потому что после разглядывания макушки я всегда разглядывал его пах. А там было на что посмотреть. Не знаю, как другие не замечали, но я взгляда оторвать от этого сокровища не мог. Никакие джинсы не скрывали размеров достоинства Гоши. Сначала я был уверен, что тот просто комплексует и, может, что подкладывает, чтобы девок привлекать, но потом случайно — ладно, не совсем случайно — подсмотрел в туалете и даже мысленно присвистнул.

Увиденное заставило меня посмотреть на Гошу по-другому, а потом и вовсе смотреть только на него. Ведь это не запрещалось. И Костик хоть и фыркал на меня, но сам порой — я точно видел! — поглядывал на Гошку с заметной завистью. С Костилом я, конечно, поделился увиденным, даже подковырнул, мол, у него таких размеров нет и не будет, даже если вакуумом поработать. Пошутил, естественно. Но Костик обиделся и на целую неделю лишил меня не только секса, но даже минета. Я не растерялся, Костика заменить было легко. Отношения отношениями, а секс сексом.

Именно об этом я думал, когда смотрел на Гошку. О сексе. И только о сексе.

По моим расчётам, секса у Гошки должно быть много, как таким агрегатом не пользоваться-то? Грешно ведь! Но за месяц усиленных наблюдений я ни разу не видел его в компании девушек. Вообще ни разу. Даже когда мы пару недель назад завалились в «Астру» всей группой и ужрались, словно пили в последний раз, Гошка сидел в сторонке и даже попытки пристать к кому-то не предпринял.

Сомнения и догадки в моей голове зародились быстро, хотя гей-радар молчал и на Гошку никак не реагировал. Но он и раньше давал сбои, поэтому, промучившись для приличия ещё неделю, я поймал Гошку в туалете, и, пока он пытался понять, в чём дело, я уже толкнул его в одну из кабинок и произнёс:

— Хочу отсосать тебе.

Глаза у Гошки стали большими-большими, я даже подивился и мысленно сделал ставку: расширятся ли они ещё больше или просто вывалятся? Глаза остались на месте, что меня порадовало, потому что если бы этого не случилось, то моё желание отсосать несколько поутихло бы. Но совсем не пропало бы: член важнее глаз в такой ситуации.

— Ерохин, ты вообще ебанулся, что ли? — прохрипел наконец Гошка. Я с готовностью кивнул. Не ебанулся, конечно, но что-то около того. По крайней мере, так мне часто говорили. Особенно Костик любил повторять. А я и признавал, чтобы меня лишний раз не трогали.

Ну люблю я секс, люблю эксперименты, люблю большие члены у одноклассников. И признаю это! Было бы хуже, если бы не признавал.

— Так что, отсосать? — деловито уточнил я и уже потянулся к его ремню, но Гошка неожиданно ударил меня по руке, отшатнулся и умиленно покраснел. Теперь пришла очередь моих глаз вываливаться из орбит. Я поспешил моргнуть, потому что без глаз не смог бы увидеть ни члена Гошки, ни какого-то другого члена, и даже отступил, пытаясь понять, в чём дело.

Обычно, когда я приставал с такими предложениями, то получал моментальное согласие. Либо моментальный отказ в виде кулака в лицо. Последнее редко, потому что, перед тем как пристать, я всё-таки объект изучал. Гошка вот только никак не поддавался изучению, и пришлось бить в лоб.

— Ты чего, Димыч? — как-то совсем жалобно спросил он, почёсывая макушку.

Наклонив голову набок, я нахмурился и внимательно окинул его взглядом. Весь красный, глаза блестят, бегают, и губы постоянно облизывает. Странная реакция, неожиданная. К такой я был не готов. Потому предпринял ещё одну попытку, чтобы как-то определиться. Руками снова потянулся к его ремню, схватил за него и притянул к себе, лоя второй рукой за задницу.

— Я же сказал: отсосать хочу.

Он снова выпучил глаза, шарахнулся от меня, но в этот раз я уже держал крепко, внимательно глядя в его лицо. И тут до меня дошло: он стеснялся! Не испытывал омерзения, не хотел дать мне в морду, а стеснялся! От осознания этого факта стало так смешно, что улыбку сдержать я не смог и прыснул.

Гошка покраснел ещё сильнее — хотя куда уже больше? — и снова попытался отстранить меня. Но я был наготове. Это становилось интересным. Даже забавным. И если у меня и оставались какие-то сомнения по поводу удачности затеянного, то они моментально испарились, стоило увидеть смущённое и растерянное лицо Гошки.

Прижав его к стенке кабинки туалета покрепче, я уже уверенно стал расстёгивать его джинсы. Гошка сопротивлялся, но как-то слабенько, словно сам не верил в то, что это стоит делать. А я был уверен — стоит. И тут же опустился на колени.

— Димыч, — пролепетал сверху Гошка, — ты серьёзно, что ли? Димыч, ты же парень!

— Тоже мне, открытие, — фыркнул я, сдёргивая с него трусы. — Ты тоже парень. Я же не удивляюсь.

Гошка затих на несколько секунд, а я рассматривал то, что столько дней не давало мне покоя. Член был крупным даже в «мягком» состоянии. Такой, что даже под спортивными штанами выпирал бы. А уж как возбуждающе он выглядел без всякой одежды. Я не удержался и сразу же на пробу лизнул. Гошка охнул и прижался к стене кабинки. Я прислушался на всякий случай, но была пара, и потому стояла тишина. Удовлетворённо кивнув, я вскинул взгляд на Гошку:

— Не ломайся, тебе понравится. Ты не смотри, что я парень, рот у меня такой же, как у девок. Даже лучше, сейчас убедишься.

Гошка, может, и хотел что-то сказать, но я не дал: подцепил пальцами его член и вновь провёл языком, после чего обхватил губами и втянул в рот. Сверху послышался сдавленный выдох, говорящий только о том, что Гошка становится совсем не против того, что я парень.

Положив ладонь на его бедро, второй я начал усиленно помогать себе, чтобы быстрее возбудить Гошку, потому что член хотелось увидеть во всём величии. И тот, видимо, тоже стремился скорее показать себя, так как он стремительно твердел, и ласкать его стало гораздо приятнее.

Член оказался тяжёлым, довольно толстым и длинным, с крупной веной по всей длине и основательной такой головкой, которая в свете дневной лампы туалета влажно блестела от моей слюны. Когда я отвлекся от занятия и посмотрел на него, то мысль, что с таким болтом трахаться наверняка неудобно, хотя если приноровиться, то шикарно, всё же посетила меня. Попробовать захотелось моментально. Даже укоризненный вид Костика в моей голове сразу же был вытеснен фантазией о Гошке в кровати. Впрочем, можно и без кровати. Просто о Гошке и его члене. Желательно внутри меня. Правда, сомнения о том, что такое вряд ли вообще возможно, меня посетили, но я их отогнал. Не до того сейчас. Тем более, Гошка завозился, и оставлять его без моего присмотра надолго было нельзя. Чего доброго, очнётся и убежит, а я так и останусь со своими фантазиями. И с Костиком.

Поместить член полностью в рот не вышло, как я ни расслаблял глотку. Раньше таких проблем не возникало, но раньше я и не отсасывал такой размер. Пришлось выпустить член, чтобы не давиться и не испортить всё, и взяться за него снова рукой, помогая себе в движениях.

Гошка сверху тихо постанывал, пока я трудился внизу, с удвоенным энтузиазмом вылизывая ствол, проходясь языком по головке, обводя её круговыми движениями, забравшись под

крайнюю плоть, и с силой дрович рукой. Дорвавшись наконец до того, что меня мучило уже не одну неделю, я отрывался по полной. Не так, как хотелось изначально, когда я явно переоценил свои умения, но всё равно у меня была стойкая уверенность: такой минет Гошке никто ещё не делал. Уж в этих делах я был мастером, тут спорить со мной и переубеждать меня бесполезно. Мои навыки ещё ни один партнёр вниманием не обделил, а их у меня, помимо нудного Костика, было не слишком мало.

Всё закончилось внезапно: рука Гошки вцепилась мне в волосы, так, что я от неожиданности сдавил член губами сильнее и ойкнул, а он вдруг залил мне рот спермой, вновь что-то неразборчиво тихо простонав. Признаться, я ожидал, что он продержится подольше. Я ведь даже не успел как следует в горло протолкнуть, пусть не до основания, но до половины точно бы смог, а тут всё... Мне как-то обидно стало, так что, облизнувшись и вытерев губы ладонью, я бросил обиженный взгляд на Гошку, спросив:

— А потерпеть?

Гошка выглядел ещё более смущённым, чем до этого. Запыхавшийся, с искусанными губами и блестящими глазами, теперь уже от возбуждения — характер этого блеска я мог определить точно.

— Прости, — пробормотал он. — Я просто... Мне никогда просто...

Поднявшись на ноги, я смотрел на него несколько секунд, пока он, запинаясь, пытался объяснить мне ситуацию, а потом всё осознал. Теперь смех сдержать совсем не удалось, и, расхохотавшись, я натянул на него трусы с джинсами и хлопнул по заду.

— Серьёзно? Никогда не отсасывали?

Он втянул голову в плечи и покачал головой, уткнувшись взглядом в пол.

Вот это новость! Я и подумать не мог! Смех душил меня изнутри, потому что... Блин, ну как так?! Двадцать лет пацану, а ему никто не отсасывал?

— А секс-то хоть был? У тебя ж дубина — ого-го! Любой...

— Не любой, — тихо, но отчего-то уверенно перебил он меня. — И не любая, — добавил.

— Так ты ещё и не трахался? Чёрт, да я тебя, считай, невинности лишил, — совсем развеселился я. — Пойдём покурим.

Нащупав в кармане пачку сигарет, я вытянул его из кабинки и распахнул окно, ненароком глянув вниз. Там, на парковке, в машину садился тот самый препод, который мог с лёгкостью занять первое место в конкурсе самых занудных учителей года, а то и века. Но хоть машина у

него — ого-го! Раритет! Такие уже давно не выпускают, так что даже пооблизываться можно. Где только достал?..

— Я не гей, вообще-то, — заявил Гошка. Я обернулся к нему и с сомнением осмотрел.

— Ну я бы поспорил.

— Серьёзно. Мне девчонки нравятся. Конечно, иногда я думал, что парни тоже ничего. Ты, например, симпатичный. Но мыслей о сексе никогда не возникало.

— Ты просто не пробовал, — усмехнулся я. — Теперь попробовал. Ещё захочешь, обещаю, — хлопнув его по плечу, я выкинул недокуренную сигарету в окно и закинул в рот пару подушечек жвачки. — Но это, правда, не делает тебя геем.

Гошка облегчённо выдохнул, и я мстительно — за то, что он так быстро кончил и не дал мне насладиться в полной мере — добавил:

— Но бисексуалом, определённо, делает. Бывай, Касьянов. Звони, как припечёт. Ты мне нравишься. — Стоило спешить: скоро будет звонок, а на следующую пару лучше не опаздывать. Вера Григорьевна, преподавательница английского, с меня шкуру сдерёт, если я ещё раз приду не вовремя.

— Ты же это... с Костиком вроде, — промямлил Гошка.

— Костик подвинется, не шкаф, — отмахнулся я, уже выходя за двери, подхватив свою сумку, которую бросил у двери в порыве догнать добычу.

Костик действительно шкафом не был, даже секретером не был или трюмо. Ремонтить и модернизировать Костика не хотелось. Но и дальше держать в доме ненужную, пусть и удобную, мебель тоже было незачем. И я, бросив взгляд на часы, решил, что разговаривать пойду с Костиком после пар, иначе точно без шкуры и яиц останусь. Вера Григорьевна такая, она всё может.

Глава 2

Поговорить с Костиком мне не удалось. Он, оказывается, улизнул с английского и успешно зависал в «Осе», что находилась в паре кварталов от универа. Мы часто туда ходили, потому что недорого, нас там все знают и продают алкоголь. Алкоголь — это важно. Сигареты, кстати, тоже. Потому что ни в одном магазине рядом с университетом сигарет не было вообще. Идиотские законы.

Закинув сумку на плечо, я первым выскочил из аудитории и поспешил к выходу из универа. Желание порвать с Костиком немного поутихло, эйфория от тесного контакта с Гошкой прошла, и я теперь был в большем замешательстве, чем раньше. Костик мне нравился, но

нравился из-за того, что был удобным: он не ревновал, всегда был готов пойти на уступки и был, в принципе, весьма неплохим парнем. Да и трахался неплохо, пусть и не идеально. А Гошка... А что Гошка?

Я закурил и засмотрелся на светофор, на котором мигал красный человечек.

Гошка был неопытным девственником, смущающимся и, в принципе, не особо привлекательным, разве что членом. Одним членом сыт не будешь. Но поразвлекаться с ним можно было. Это бесспорно.

В «Осе» народ шумел, несмотря на его малочисленность: шёл какой-то очередной футбольный матч, и болельщики эмоций не сдерживали, громко стуча литровыми пивными кружками и периодически начиная кричать, стоило той или иной команде подобраться к воротам соперника. Кажется, играл «Динамо», но я не был уверен: футболом не особо увлекался и за сезонами не следил.

Окинув взглядом помещение, своих я увидел быстро: они сидели в привычном углу небольшой компанией, тоже пили пиво и что-то громко обсуждали. Не футбол точно, он у всех нас был не в почёте.

— Прогульщики, — заявил я, садясь рядом с Костиком и бросая сумку на пол.

— Ты тоже. Тебя на экономике не было, — Костик фыркнул и поддел меня локтем, здороваясь. Не то чтобы мы скрывали наши отношения, все знали, что мы встречаемся, но вот футбольные болельщики могли не понять яркого выражения чувств друг к другу. Да и ни я, ни Костик не любили публично эти самые чувства выражать.

— У меня были дела.

У Костика взгляд как-то сразу поменялся — подозрительный суслик, — но он ничего не сказал. Хотя мог догадаться. Гошки-то тоже на экономике не было. А Костик, несмотря на свою мягкость, обладал завидной проницательностью.

— Так из-за чего спорим? — спросил я, пододвигая к себе Костину кружку с пивом. Официантка пока не почтила нас своим присутствием, чтобы я сделал заказ, потому Костику волей-неволей пришлось пострадать.

— Не спорим, а обсуждаем, — наставительно произнёс Леха, поправляя очки. — Тут же про универ сюжет хотят снять на местный канал. Завлекаловку для абитуриентов. Деканат дал задание каждой группе придумать сценарий. Лучший попадёт в телевизор, а мы станем звёздами рекламы.

Я скептически фыркнул, доставая сигареты. Курить здесь официально было не разрешено, но

никто и не запрещал.

— А вы прям все хотите стать звёздами? — в этом я сомневался. Вообще-то, никто из присутствующих не стремился к активной социальной жизни. Потому и неясно было, с чего вдруг такие волнения.

— Мы хотим сессию автоматом, — вздохнула Катя Оляпко, стуча пальцами по столу. Я непонимающе взглянул на неё. Создавалось впечатление, что я как минимум неделю пропустил, пока отсасывал Гошке в туалете.

— В смысле?

— В коромысле, — буркнула Светка, закадычная подружка Кати ещё с первого учебного дня. Они, кажется, из одной школы пришли. — Автомат по всем предметам получим, если наш сценарий пройдёт.

Я хохотнул:

— Декан умеет мотивировать.

— Декан-то умеет, только конкуренция — во-о! — Леха провёл большим пальцем выше головы. — Рекламисты там уже бурлят вовсю. Им-то проще, по специальности почти. И ин-яз что-то тоже уже задумал, видел, как гурьбой пошли в столовую обсуждать. Даже филфак оживился. Херня, в общем. Надо их сделать по-любому.

Я задумался. Вообще-то, было интересно получить такой подарок к новогодним праздникам. Тем более, для нашей группы, где на квадратный метр бездельников было больше, чем в любой другой. «Коммерция», — любила заявлять Аллочка, оглядывая нашу группу разгильдяев.

Ну да, коммерция, что с того? Настеньке это нисколько не мешает учиться.

— И что вы придумали? — заинтересовался я.

— Да ничего пока. Думаем над идеей. Нужно что-то оригинальное и быстрое. Долгий ролик никто смотреть не станет, — Костик потёр виски и забрал из моих рук кружку с пивом. — У меня есть приятель, тоже у нас учился, он недавно начал на каком-то канале работать, корреспондентом вроде. Может, ему позвонить? Подскажет что-нибудь. Наверняка же!

Я кивнул. Идея была неплоха. Всё-таки знающий человек, пусть и в единственном экземпляре, всё же лучше нас — пяти архитекторов, которые вообще ни в зуб ногой в СМИ. Остальные со мной согласились. На том и порешили.

Возвращался домой я с Костиком. Он жил с родителями, а мне квартира досталась от бабушки, которая умерла три года назад. И ночевали мы часто у меня. Тем более, предки Костика вроде были не в курсе о его ориентации.

— Ну и как тебе Гошка? — спросил Костик, когда мы уже подходили к подъезду.

Я глянул на него и почувствовал неожиданный дискомфорт. Лицо Костика было спокойным, но я знал, что минут через двадцать он уже будет мстительно вбивать меня в кровать до того, чтобы я ещё пару часов валялся без возможности встать и сходить в душ.

— Не поверишь, целкой оказался, — я обхватил Костика за шею рукой и зажал в локте. Костик зафыркал и попытался высвободиться, отталкивая меня.

— В смысле, целкой?

— Да не трахался он ни разу. Я ему минет сделал, так его хватило минуты на три. Вообще пиздец, младенец. С такой-то кувалдой!

Костик остановился и глянул на меня как-то странно, с каким-то даже пренебрежением:

— Слушай, Димка, я вот поражаюсь: как тебя ещё не прибил никто за твой язык длинный?

— Боятся, что, как окажусь на том свете, вообще не отвяжусь, — хохотнул я, открывая дверь подъезда. — Ну что ты, идёшь? Или дальше будешь меня сверлить взглядом? У меня достаточно дыр для того, чтобы удовлетворить тебя, так что не порть мне внешний вид.

Костик закатил глаза, поджал губы и прошёл внутрь. Я за ним, предвкушая отличный секс. Костик был удобным, как ни крути. И мысль избавиться от ненужной мебели меня понемногу оставляла. Тем более что Костик был не против изображать эту мебель.

На следующий день, после пар, мы всей группой собрались в аудитории и начали решать, кто будет мозговым центром. Человек десять отмахнулись сразу, сославшись на то, что в рекламе ничего не смыслят, в сценариях тоже, но если надо, то смогут нам подготовить какой-нибудь макет декораций или сами декорации. Мы отпустили их с миром, насильно тут не заставишь. В остальном десятке оказалась наша великолепная пятёрка, что вчера развлекалась в «Осе», Настенька — как же без неё? — Женька Смирнова, так как упустить возможность покрасоваться на экране она не могла, близнецы Павлик и Валик, насчёт полезности которых я испытывал большие сомнения, и Гошка. Последний стал для меня сюрпризом, не ожидал, что он втянется в это. Но сюрприз был приятным. Поэтому я, встретившись с ним взглядом, подмигнул ему и облизнулся, он моментально покраснел. Костик, видя это, поморщился и толкнул меня в бок. Я толкнулся в ответ. Что такого-то? Я ж не загнул его прямо здесь и не стянул штаны!

— Пойдёмте в парк, — сказал Костик. — Мы там условились встретиться...

— С кем встретиться? — спросил Валик, натягивая цветастую куртку.

— Друг у него в телеке работает, Костик говорит, что он нам помочь может, — объяснил Лёха, пока остальные копались с верхней одеждой.

— Друг — это хорошо, — важно протянул Павлик. Я поморщился. Ни Павлика, ни Валика я не переносил. Оба писклявые, вечно сующие нос куда не надо, и мозг у них один на двоих был.

— А симпатичный? — Смирнова оживилась и даже достала зеркало, чтобы привести себя в порядок, хотя она и так всегда была в полном порядке. Казалось, даже спала накрашенная и с уложенными волосами.

Костик окинул её взглядом и усмехнулся:

— Симпатичный. Но не по твоей части.

Женька надула губы, и во всём её виде читалось: «Задолбали эти гомосеки». Я же заинтересованно глянул на Костика. Мы встречались уже не первый месяц, но об этом друге я услышал впервые. Если раньше я не придавал бы этому значения, то сейчас невольно напрягся. Я мог изменять налево и направо, но вот мне бы не особо хотелось, чтобы это делал Костик. Да и как-то не вязался он у меня с изменами.

Особенно мне.

Этими мыслями я промучился вплоть до парка. На улице сегодня стояла отличная погода, потому даже хорошо, что мы решили встретиться на воздухе, а не в кафе. Последние тёплые деньки октября, запоздавшее бабье лето, мать его. Да и в ту же «Осу» мы такой гурьбой не влезли бы.

— О, вот он, — Костик махнул в сторону одной из скамеек, и я тут же туда глянул. На ней сидел парень немногим старше нас — лет двадцать пять-двадцать восемь, не больше. Блондин, высокий, смазливый, я бы даже сказал. Но как-то по-взрослому смазливый.

— Он и не по твоей части тоже, — тихо сказал Костик, видимо, заметив, что я уже было решил применить всё своё очарование.

— А по чьей? — удивлённо уточнил я. — Асексуал, что ли?

— Гей, только занят он. Давно. И освобождаться не собирается.

Я тихо присвистнул. Вообще-то, в долгие отношения геев я не верил. Совсем. Ну не было у меня ни одного знакомого, который продержался бы без измен в паре хотя бы год. Обычно всё заканчивалось или обоюдным решением разойтись, или изменой, или отношения были просто для траха. Последнее я, кстати, приветствовал. И считал такими наши с Костиком отношения. Не знаю, как считал сам Костик, но, кажется, он был со мной согласен, иначе не так реагировал бы на всяких Гошек и ему подобных.

Кстати, о Гошке. Я перевёл на него взгляд, ненароком вздохнув, что куртка закрывает его пах и бёдра. Никак не полюбоваться. А хотелось. Вчерашнее событие сначала подстегнуло меня к чему-то большему, но теперь просто хотелось периодически оказываться в непосредственной близости от Гошки. Желательно без обязательств. И стоило с ним это обсудить. Только он со мной вообще ни разу не заговаривал, хотя на первой паре я специально к нему подсел. Но Гошка упорно писал лекцию и не обращал на меня внимания. Точнее, делал вид, что не обращал, потому что я видел, как горели его уши.

Помнил, он прекрасно помнил. И ему всё понравилось. Только попросить повторить не решится. Потому нужно самому прийти с просьбой, снова прижать к стенке и не отпустить до тех пор, пока снова не отсосу ему. Я научу его держаться не три минуты, а подольше, чтобы он мне удовольствие не портил, скорострел недоделанный.

Гошка заметил мой взгляд, поймал его и снова отвернулся. Я улыбнулся. Какой невинный барашек. Я волком не был, но тут у каждого клыки начнут прорезаться, стоит посмотреть на это создание. И на то, что у него между ног. А он ведь совсем не умеет этим преимуществом пользоваться.

Надо научить, решил я, мысленно кивнув, утвердившись в мысли, что на Гошку забивать не стоит. Костика тоже оставлять не хотелось, но тот и не был против моих развлечений, так что, определённо, с Гошкой стоило позаниматься практикой. А то и теорией.

— Никита, — из заманчивых фантазий меня вытянул голос парня, к которому мы уже подошли. Он протянул руку каждому поочерёдно, улыбнулся, и, взглянув на него, я пропал, забыв и о Гошке, и о Костике, и о всех чёртовых других парнях разом.

Глава 3

— Ну для начала вам нужно определиться, на что вы хотите сделать упор. Пара пунктов, на которые хотите обратить внимание. Вроде как с моющим средством: чисто и быстро. Человек, смотрящий рекламу, не будет смотреть её несколько минут, чтобы узнать, почему же наш универ лучше. Ограничьтесь тридцатью секундами, максимум. И за это время раскройте две или три выгоды.

Никита говорил, Костик записывал, остальные внимательно слушали и кивали, а я смотрел, как шевелятся его губы, и думал только о том, как он целуется. На подбородке у Никиты была лёгкая щетина, явно брился вчера вечером, волосы трепал лёгкий ветер, а сам он выглядел отчего-то очень знакомым. Я нахмурился — точно где-то видел. И не по телику. Его манера речи, даже то, как он взлохмачивал свои волосы и почёсывал нос тыльной стороной большого

пальца, было знакомо. И я точно знал, что так больше никто из моих знакомых не делает.

— И сделайте её главным действующим лицом, — Никита ткнул пальцем в Женьку. Та неожиданно зарделась, но явно не от смущения, а от гордости, что её выделили. — У неё всё как надо: волосы, лицо, грудь. Завлекаловка ещё та, — убеждённо сказал Никита, и остальные были вынуждены с ним согласиться.

— Ты работаешь с рекламой? — спросил я, чтобы тоже обратить на себя внимание. Никита обернулся ко мне, передёрнул плечами и сказал:

— Нет, я корреспондент. Раньше в прессе работал, на ТВ третий месяц только. Но кое в чём разбираюсь, так что не волнуйся. Если будете слушать меня, то в финал точно пройдёте.

— Финал? — хором спросили Валик и Павлик.

— В финал отберут пятёрку лучших сценариев, остальные отсеет ректор с несколькими деканами и преподами. Их и представят каналу, они выберут уже... — он прервался и осмотрел наши растерянные лица. — Вы были не в курсе, да?

— Интересно, почему *ты* в курсе? — не удержался я.

Для обычного друга с телеканала, который пришёл на помощь, Никита удивительно много знал. Я глянул на Костика, но тот лишь пожал плечами, мол, тоже не в курсе. А Никита растерянно пожал плечами и как-то уклончиво проговорил:

— Да так. Слышал.

Слышал он. Я подозрительно взглянул на него, снова подумав, что где-то видел. Но где? Память услужливо прятала от меня эти воспоминания, но кружила возле них, вызывая лишь болезненное отторжение.

Мы пробыли в парке с Никитой около сорока минут, потом ему позвонили, и он поспешил удрать. Уверен, что от моего пронизательного взгляда. Я-то заметил, как он пару раз напряжённо посмотрел на меня. То ли из-за того, что догадывался о моих подозрениях, то ли из-за того, что я буквально раздевал его глазами и не скрывал этого. В фантазиях Никита подвинул даже Гошку с его членом, но стоило ему скрыться с горизонта, а Гошке снова на нём появиться, когда мы уселись в кафе, чтобы обсудить дальнейший план, как пришла очередь пожирать глазами уже его.

Гошка не казался очень уж симпатичным. Если быть совсем честным, то он был совсем не симпатичным. Обычным, скорее: волосы, постриженные под ёжик, и, словно привет от братков из девяностых, нос, как говорится, картошкой, крупный подбородок и близко посаженные глаза. Вообще не тот тип внешности, который мне нравился. Обычно я западал на таких, как

Костик: высоких, аккуратных, с тонкими чертами лица и знающих толк в том, как нужно одеваться. И мне нравились блондины. Холёные красивые блондины, с которыми можно не только трахнуть на отлично, но и полюбоваться после секса. На Гошку любоваться после секса не хотелось, только на его достоинство разве что. Потому что ничего примечательного в нём не было.

Впрочем, это мне совсем не помешало рассматривать его ещё тщательнее, когда мы ждали заказ. Гошка постоянно отводил взгляд, явно нервничая от такого пристального внимания. А я, ведомый азартом, продолжал пристально за ним наблюдать. Не сказать, вообще-то, что я слишком азартен и меня возбуждает тема погони за добычей, но с Гошкой это будоражило кровь и заставляло в нетерпении облизывать губы, думая, что совсем забивать на Гошку нельзя. В конце концов, когда у меня ещё будет шанс пообщаться настолько близко с парнем, обладающим настолько большим членом?

Правильно, никогда.

Потому что такие члены выпадают один на миллион.

— Ты его сейчас совсем съешь, — Костик несильно дёрнул меня за локоть.

Я посмотрел на него, приподняв брови. Конечно, Костик мог ревновать. Только смысл? Всё равно всё останется как прежде. Костик это понимал, я это понимал, тогда к чему одёргивания? К тому же Костик никогда не возмущался по поводу моих непостоянных увлечений. Так с чего вдруг сейчас начинает? Я поморщился и отодвинулся от него, но Костик впился пальцами в мою ногу под столом и тихо прошипел:

— Ты понимаешь, что подставляешь его? Тебе-то плевать: все в курсе, что ты трахаешься с парнями налево и направо. А ему что прикажешь делать? Он даже тёлку ни разу не трахнул, чтобы быть уверенным в том, что гей.

Костик был отчасти прав. Но я уже завёлся, потому снова уставился на Гошку, намеренно в дальнейшем игнорируя Костика. Костик вскоре перестал приставать ко мне с нотациями — видимо, обиделся. Ну и хрен с ним. Пусть обижается, у меня больше свободы действий.

И когда мы вышли из кафе всей гурьбой, я поспешил воспользоваться свободой по полной и навязался к Гошке провожатым.

— Я и сам могу дойти, вообще-то, — сказал он, настороженно косясь на меня, когда мы шли к остановке.

— Можешь. Но нам всё равно в одну сторону.

— Ты живёшь на другом конце города, я знаю, — он посмотрел на меня таким взглядом, в

котором ясно читалось: «Я не совсем идиот». Конечно, не совсем. Чуть-чуть только.

— Я в гости к родителям. Они в твоём районе живут, — и, быть может, это было правдой. Может, родители действительно жили рядом с ним, потому что я понятия не имел, где Гошка обитает. Я вообще о нём мало знал, кроме того, что его предки развелись, отец умотал куда-то за границу и Гошка остался жить с матерью и бабкой. Я бы и этого не знал, не посиди пару раз на паре психологии с Женькой Смирновой, у которой, кажется, целая база данных была на каждого из студентов универа.

Когда мы подошли на остановку, Гошка мрачно спросил:

— Ты теперь не отвяжешься от меня?

— А ты хочешь, чтобы отвязался? — искренне удивился я.

Даже в темноте было видно, что Гошка покраснел и заметно ступевался, вновь отвёл взгляд и запихнул руки в карманы куртки. Я, пользуясь тем, что на остановке пусто, на мгновение прижался к нему и положил руку на пах.

— Я не хочу отвязываться, пока не научу тебя. И не получу сам удовольствие. Ну или пока ты не поймёшь, что не гей. Хотя это уже вряд ли.

— Вряд ли я не гей?

— Да. Если тебя сразу не стошнило, когда я у тебя в рот взял, то можно сделать кое-какие выводы, — уверенно кивнул я. Кое в чём я всё же разбирался. И в том, что Гошка как минимум бисексуален, я был уверен. — Будь ты просто девственником-гетеро, то по морде я бы точно отхватил.

Гошка заткнулся и молчал до тех пор, пока не подошёл полупустой автобус. Мы сели в самом конце, под тусклыми лампочками, которые к тому же ещё и моргали периодически.

— То есть я гей, по-твоему?

— Этого я тоже не говорил. Пока не попробуешь секс с обоими полами, не узнаешь наверняка. Если на девку тебя стошнит или вообще не встанет, тогда можно сделать определённый вывод. На девок-то встаёт?

В автобусе, кроме нас, была какая-то парочка почти сразу за водителем, уснувший мужчина, уткнувшийся лбом в сидение впереди, женщина с громко шелестящей газетой, которую наверняка невозможно было прочитать из-за тусклого освещения, а в углу сидела выкрашенная в рыжий цвет девчонка в наушниках, из которых раздавалась адская музыка. Разобрать слов было невозможно, только шум. Даже ритма не было. Я скопил на неё глаза и

недовольно поморщился: терпеть не могу, когда так слушают музыку. Плевать, что она оглохнет, мне это попросту мешает.

Гошка завозился справа от меня и сконфуженно сказал:

— Не видел девку вживую так, чтобы встало.

— Ну, блин, порно же ты смотришь?! — кажется, я сказал это слишком громко, потому что тётка впереди нас обернулась и посмотрела то ли с интересом, то ли с укором. Из-за света было не разобрать.

Гошка совсем смутился, а я внутренне возликовал. Его стеснение меня странным образом только подстёгивало, и я с ещё большим интересом на него уставился:

— Ну?

— Смотрю, — выдавил он.

— И? — почему из него каждое слово приходилось вытягивать? Смущение нравилось, неразговорчивость — раздражала. Что в порно-то такого? Все его смотрят. А те, кто говорит, что не смотрит, нагло брешут.

— Ну вставало, — неохотно признался Гошка, и я ликующе ударил его по плечу.

— А как парни долбятся, смотрел?

— Смотрел, — Гошкин взгляд был направлен вниз и изучал с каким-то ненормальным любопытством расшарканный пол автобуса.

— И?

— Тоже вставало, — совсем тихо сказал он, а я совсем расслабился и едва сдержался от смеха — облегчённого. Теперь дело пойдёт куда лучше.

— Ты это, — сказал я, — не переживай из-за таких вопросов. Я хочу помочь тебе определиться или хотя бы начать определяться. А то в двадцать лет не комильфо ходить с такой елдой и не пользоваться ей по назначению. Как вообще так получилось-то, что ты оказался не у дел?

Гошка нервно зачесал шею, расстегнул куртку и буркнул:

— Страшно.

— Что страшно-то? — а вот это уже было странным.

— Я читал в интернете, что когда большой, то девушкам больно.

В этом он был прав. Я задумался. Конечно, могу предложить свою помощь, но пока рано. Не согласится. Впрочем, по крайней мере, удалось выяснить кое-что важное и ценное. Как минимум, Гошка трезво оценивает свои размеры и будет аккуратен в случае чего. А случай обязательно наступит, только позже, когда я подберусь к Гошке ещё ближе, чтобы он перестал так зажиматься, а мне не пришлось словно клещами слова из него вытягивать.

— Не волнуйся. Решим эту проблему, — я похлопал его теперь уже по колену и придвинулся немного ближе, ведя рукой к бедру.

Гошка заметно занервничал, облизал губы и вдруг заявил:

— У тебя глаза такие синие.

— Что? — я от удивления даже руку остановил.

— Глаза синие у тебя, — повторил он. — А днём я заметил, что голубые.

— Это освещение, — отмахнувшись, я вернулся к своему занятию и уже пробрался было к поясу джинсов, как автобус дёрнулся и остановился. Двери со скрипом открылись, и Гошка едва ли не закричал:

— Остановка. Моя остановка!

Теперь к нам обернулись уже все. Даже девка с музыкой изумлённо вытаращила глаза и попыталась незаметно вытащить наушники, чтобы понять, в чём дело. Я усмехнулся — вот уж любопытная коза — и, схватив Гошку за руку, вытащил его из автобуса. На воздухе его щёки приобрели ещё более красный оттенок, видимый даже в темноте.

— Ну-с, давай показывай, где живёшь, — скомандовал я, так как оставлять его пока не собирался. В конце концов, сегодняшней цели стоило добиться, а потом дать Гошке на отдых пару дней.

— Слушай, — Гошка заговорил тише обычного, когда мы вошли в небольшой стандартный двор, окружённый многоэтажками.

— М?

— Ты же с Костиком встречаешься, нет?

— Ну-у, можно и так сказать. — И как только узнал, паршивец? Ведь вроде не похож на того, кто интересуется личной жизнью одногруппников.

— Тогда зачем всё это? Со мной? Костик же...

— Забей на Костика, — только вот от Гошки мне не хватало нотаций слушать. Тоже мне, невинная овечка. Если девственник, то ещё не значит, что лучше. Меня это даже разозлило. Тон Гошки был не обвиняющий, но какой-то укоряющий. Я даже Костиков взгляд вспомнил и поморщился.

И пока Гошка не очухался, прижал его к двери подъезда, к которой мы подошли, и поцеловал, сразу же толкаясь языком меж губ. Гошка охнул, сам вжался в подъездную дверь и не реагировал, хотя я старательно вылизывал его рот. Наконец, его губы дрогнули в ответ, и он несмело коснулся языком моего языка. Внутри меня всё возликовало. Первый этап пройден. Не без погрешностей, потому что Гошка целовался весьма слюняво и неловко, но пройден.

Глава 4

На всю следующую неделю о Гошке мне пришлось забыть, и не только из-за того, чтобы тот всё осмыслил и передохнул, но и потому что учёба требовала немедленного вмешательства. Выиграем мы в этой гонке со сценариями или нет, приз в любом случае будет только в конце семестра, а вот сдавать проект по архитектуре надо было уже сейчас.

Вообще, сдать его стоило ещё в начале недели, но я об этом успешно забыл, уже представляя в голове, как Аллочка пренебрежительно фыркает: «Коммерция». Стиснув зубы, я продолжал сидеть ночами за ноутбуком, чертя грёбаные линии, от которых меня тошнило к пятнице так, что я даже задумался о смене специальности. Костик пожимал плечами и говорил, что виноват только я сам. Проект задавали в середине сентября, времени было валом. Ну и мне казалось, что валом. И я откладывал, а потом и вовсе забыл. Теперь страдал, не спал, но делал. Потому что с меня бы не слезли. Коммерция коммерцией, но учиться всё равно приходилось.

Потому к пятнице я выглядел выжатым лимоном. Оценил себя ещё с утра в зеркале: вид помятый, словно бухал все эти дни, глаза красные, словно не только бухал, но и курил траву, а сознание совершенно вялое, словно я теперь ловил отходники. Эх, если бы.

— Выглядишь ужасно, — сразу же отметил Костик. И добавил: — Теперь понимаешь, почему стоит делать всё вовремя?

— Заткнись, а? Без тебя тошно, — отмахнулся я от него. — Сделал же, это главное.

Костик поджал губы, но ничего не сказал. Сел, разложил свои тетради и достал ручку. Видимо, собирался всё-таки лекцию писать, пока я растекался на парте и силился не уснуть.

Преподавала снова Аллочка.

— Мы тут, пока ты отработывал долги из-за своей лени, сценарий набросали. Хочешь послушать?

— Валяй.

Приоткрыв один глаз, я встретился с полным сомнения взглядом Костика.

— Уверен, что готов слушать?

— Да готов, готов, мистер зануда. Давай уже.

Иногда Костик раздражал до отвращения. Своей дотошностью, педантичностью и желанием быть во всём не только первым, но и правым. Костик явно не учитывал, что все люди разные. И его взгляды желают разделять гораздо меньше людей, чем он сам представлял.

— Мы решили Женьку поставить ведущей. То есть она будет озвучивать основную часть текста и занимать большую часть экранного времени, — о, заговорил-то как. С рекламистами пообщался, что ли? Или с Никитой своим?

Я беспокожно завожился. О Никите я не вспоминал всё это время. И сейчас опять какое-то смутное чувство, что я его уже где-то видел, вернулось ко мне. Открыв совсем глаза, я смотрел на Костика и почти не слушал его, хотя он распинаясь довольно задорно, явно увлечённый идеей создания ролика.

— Слушай, — прервал его я, когда уже раздался звонок. Мне пришлось принять более подобающую позу, но взгляда от Костика я не отвёл. — А ты этого Никиту откуда знаешь?

— В универе у нас учился, говорил же.

— Ну так он, судя по всему, давно учился.

— Он заканчивал как раз тогда, когда мы пришли на первый курс. Что за вопросы, Димыч? Он занят, я ведь говорил, — Костик нахмурился. Его обеспокоенное лицо всегда вызывало у меня улыбку: такой серьёзный, брови домиком, губы поджаты и глаза становятся такими непроницаемыми. Только огоньки в зрачках выдают волнение.

— Да не собираюсь я его отбивать.

— Собираешься. Я же вижу, что ты им заинтересовался.

— Да если у него такие охуенные отношения, — мне пришлось понизить голос, потому что в аудиторию вошла Аллочка, — то тебе-то чего переживать? Тебе вообще зачем переживать за чужие отношения? — я начал сверлить его взглядом.

Костик отвернулся и передёрнул плечами.

— Лекция, — бросил он, взялся за ручку и принялся строчить. Явно ушёл от ответа, козёл. Ведь темнит, не говорит. Непонятно, ревновал, что ли? Но кого? Меня или этого Никиту, который никак из головы не шёл? Только теперь не в качестве предполагаемого партнёра в один из приятных вечеров, а потому что навязчивая мысль, что мы уже встречались, не давала мне покоя.

И вроде бы ничего. Ну встречались и встречались. Может, на какой-нибудь студенческой тусовке пересекались, или в универе я его видел. Но хрен пойми, почему меня это так волновало.

На следующий день я всё-таки выслушал сценарий. Костик припёрся ко мне домой с утра, не позвонив и не предупредив. В дверь он звонил нещадно: нажимал на звонок и не отпускал, пока ему не откроют. Я сразу понимал, что пришёл Костик. И порой хотел взять молоток, чтобы треснуть его хорошенько. В гробу я видел таких гостей в девять утра в субботу, когда неделя верхняя и не нужно никуда идти.

Но Костик придерживался другого мнения и продолжал звонить.

— Кретин, — поздоровался я, впуская его в квартиру. — Не мог прийти позже, что ли? Чего тебе не спится?

— Того. У нас сбор сегодня. Постараемся детально всё разработать, а на следующих выходных отснять. Никита сказал, что поможет с аппаратурой.

— Никита-Никита, — передразнил я его, беря с подоконника пачку сигарет и закуривая. Когда меня будили раньше положенного, моему раздражению не было предела. — Может, это мне начать беспокоиться? Я об этом Никите впервые в жизни неделю назад узнал, а ты о нём теперь говоришь постоянно.

Костик фыркнул и смерил меня насмешливым взглядом:

— Ну да, тебе, конечно, есть из-за чего беспокоиться. Это ведь я каждые выходные нахожу новое развлечение на стороне, а потом отсасываю девственнику и восхваляю его член, — в голосе мелькнула обычная усмешка, лёгкий сарказм, но мой сонный мозг уловил что-то ещё.

Прищурившись, я внимательно посмотрел на него и с удивлением проговорил:

— Тебя это задевает.

Для меня это стало открытием. Действительно открытием. Потому что прежде Костик ни разу даже не намекал на то, что ему это неприятно. Да, секс становился жёстче, когда я приходил со своих развлекалок, но ничего более.

— А ты думаешь, что я от радости пишу каждый раз, когда узнаю, что ты с кем-то переспал или отсосал кому-то? — Костик плюхнулся на стул и сосредоточенно начал изучать сценарий, который наверняка знал уже наизусть. Меня не обмануть.

— Хочешь поговорить об этом? — издёвку в тоне не удалось сдержать. Я не хотел. Вырвалось из вредности и по привычке. Ну не мог я не схамить, когда Костик так очаровательно обижался. Выглядел он при этом ещё привлекательней. Ещё серьезней. Ещё сексуальней. И из головы даже выветрились мысли о том, что, вообще-то, он сам виноват, что молчал всё это время. Мы договор о том, что изменять нельзя, не подписывали. И с самого начала вели речи, что отношения у нас свободные. Так, ради фана и клёвого секса.

Костик поднял голову и посмотрел на меня так, что даже мурашки по спине пробежали. В какой-то момент пронеслась мысль, что он мне сейчас врежет, потом — что трахнет прямо на кухонном столе. И я был бы не против, но Костик лишь швырнул в мою сторону сценарий и буркнул:

— Иди ты на хуй.

Ехали на место встречи мы молча. Костик что-то читал в телефоне, я пытался доспать в автобусе, хоть тот постоянно качало и он тархтел как ненормальный. Давно пора списать такие раритеты. Поспать не удалось, как и обдумать тот факт, что теперь делать с Костиком. И с Гошкой, потому что оставлять свою затею с охмурением, которое привело бы его прямо в мою кровать, не хотелось. Костика оставлять тоже не хотелось. А сам Костик, кажется, был на грани того, чтобы поставить мне условия. И этого ещё больше не хотелось.

— Ничего себе, Смирнова! — вырвалось у меня, когда Женька, распахнув меховую жилетку, продемонстрировала облегающее платье с вырезом, достаточным для того, чтобы мужская часть абитуриентов направилась напрямиком в наш университет.

— Да, Димасик, ещё способны, — она щёлкнула меня по носу. — Репетиция к съёмке. Хотела увидеть реакцию.

— Ты бы пришла в таком в универ. Живо бы увидела реакцию. Деканата, — у нас запрещали ходить в слишком откровенных вещах. Девчонок отлавливали и едва ли не линейкой мерили длину юбки. Те, конечно, хитрили. Просто подкатывали пояса юбок и, невинно хлопая ресницами, заверяли учителей, что не замечали, как подол так высоко поднялся.

Женька толкнула меня в плечо, но легко совсем, не обидевшись, но и не придумав, что сказать

язвительного в ответ.

Сценарий я изучил довольно подробно, пока спешно пил кофе под мрачным взглядом Костика. Удивительно, но он и замолчав оставался великим занудой. Сам сценарий мне понравился. Мы — они — взяли концепцию Никиты, выделили три преимущества: профессиональных преподавателей, высшую категорию обучения и активную социальную жизнь — и выплеснули это всё в формате небольшого промо-ролика. Оставалось только отрепетировать, дополнить детали, и всё — можно снимать.

Мне даже как-то обидно стало, что я почти не участвовал. Но тут Костик был прав: сам виноват. Проебался с этим проектом всё время, пока шла подготовка.

— Ну что, — Лёха потёр руки и осмотрел нас, — теперь отметим это дело?

— Ещё нечего отмечать. Пока ничего нет, — напомнил Костик. И я мысленно застонал. Вслух не стал, Костик и без того меня старательно игнорировал.

— Сценарий есть. Законченный. И Женька в охуенном платье. Это и отметим, — отрезал Лёха, который как любой творческий человек — поэт же, мать вашу, — любил выпить. Я, в принципе, был не против. От компании откололась только Настенька и двое из ларца, Павлик и Валик. И мы отправились в «Осу».

В «Осе» народу было немного, мы заняли самый большой стол, и я демонстративно сел рядом с Гошкой. Тот скопил на меня глаза, но ничего не сказал. Костик тоже промолчал, хотя я ясно увидел в его взгляде осуждение.

Через час мы уже знатно надрались. Фигня, что день. Главное, суббота. А ещё через час я потащил Гошку в туалет под предлогом, что нужно перекурить. И плевать, что Гошка не курил.

— Ты чего, Димыч? — спросил Гошка, пока я действительно доставал сигареты и закрывал дверь на замок. Костик продолжал меня игнорировать, и это злило. Да и как могло не злить-то? Я Гошке весь вечер знаки внимания оказывал, которые сроду не делал, а Костик — ноль внимания. Не то чтобы меня это задевало до глубины души, но раздражало. Потому что Костик не имел права игнорировать, он же всегда мой был. А тут вдруг начал обижаться. Хотелось, чтобы обида хотя бы не беспочвенной была.

— Ничего. Тебя просто хочу, — ответил я, глядя в сразу же покрасневшее лицо Гошки. И вдруг замечая, что у него глаза такие серые-серые. Почти прозрачные, но с тёплым оттенком. Меня — и мой пьяный мозг — это на мгновение сбило. Тряхнув головой и отогнав наваждение, я прижал Гошку к стене и поцеловал: не так, как тогда, возле подъезда. Теперь уже совсем по-настоящему, с напором. И злостью на Костика.

Руки принялись расстёгивать ремень на джинсах Гошки, пока тот пытался ответить на поцелуй. Запоздало я отметил, что Гошка действительно отвечает: всё так же неловко и

неумело, но отвечает и не стоит истуканом, ожидая, когда я от него отвяжусь.

Просунув руку ему в джинсы, я извлёк член наружу и сжал его ладонью, принимаясь ритмично двигать. Держать в руке такой агрегат было приятно, несмотря ни на какие обиды Костика, злость на него и неопытность самого Гошки. Гошка уже возбудился, потому мне не пришлось слишком долго стараться перед тем, как опуститься на колени и снова почувствовать языком солоноватый и терпкий привкус головки его члена на своём языке.

Обхватив член губами, я снова попытался протолкнуть его в горло. Гошке понравилось, судя по звуку, который он издал, но у меня всё равно вышло плохо. Впрочем, до половины он зашёл, этого было достаточно, чтобы начать двигать головой, не забывая помогать себе рукой и сокращать мышцы горла, добавляя дополнительной тесноты и ощущений.

Гошка застонал уже в голос, потом опомнился, заткнул себе рот рукой, а второй как-то неуверенно взмахнул. Я прочитал в этом жесте желание положить мне ладонь на голову, но он так и не решился и вцепился в ручку двери.

Я уже было разошёлся, немного меняя ритм и чуть-чуть угол проникновения в горло, как прямо в глотку мне ударила струя спермы, и я, не ожидая такого, закашлялся. Гошка снова подвёл и сорвал все мои планы.

Поднявшись с колен, я посмотрел на него и хотел было уже отметить этот факт, но Гошка и сам выглядел виноватым, спешно застёгивая джинсы. Неужели тоже переживает, что не может долго терпеть? Я включил в раковине воду, чтобы помыть руки и прополоскать рот, как Гошка второй раз заставил меня поперхнуться. Теперь уже водой.

— Я не хотел тебе в рот, — ляпнул он, переминаясь с ноги на ногу у двери.

Я сначала не поверил тому, что услышал. Повернулся, посмотрел на Гошку и понял: серьёзно. Серьёзно переживает, что кончил мне в рот! Ебануться, какая милашка. Мне захотелось смеяться, но, видя его смущённое, виноватое и совершенно несчастное лицо, пришлось сдержаться и только хлопнуть по плечу:

— Ничего.

Мы вышли из туалета вместе. За столом компания значительно поредела: осталась Женька, Лёха и Костик. Лёха заливал что-то пьянучей Женьке, которая пыталась с ним спорить, но не могла и слова вставить, а Костик буравил меня взглядом. Стоило мне опуститься на стул, как он тут же подскочил и, схватив со стола свой телефон, быстро напялил куртку, бросив:

— Мудак озабоченный, — и спустя несколько секунд дверь «Осы» уже захлопнулась за ним.

Глава 5

Домой я возвращался один. Лёха с Женькой и Катюхой ломанулись в клуб, Гошка ушёл ещё раньше меня — ему вроде позвонила мать, — а моё настроение стремительно понизилось. Сначала я подумал, что из-за ухода Гошки, всё-таки у меня были планы на этот вечер, раз уж мы оба так надрались. Но потом вспомнил Костика и поморщился — из-за него. И чего психовать-то из-за такой мелочи?

Раздражение начало переливаться через край, и я, уже почти добравшись до остановки, понял, что домой, вообще-то, не хочу. Нужно было ещё выпить, чтобы совсем забыть на Костика и его осуждение. Стоило, наверное, позвонить Лёхе со Смирновой — те уже вовсю отжигали в каком-нибудь «Парадоксе», — но проводить ночь в их компании мне казалось не слишком удачным решением. Смирнова быстро найдёт себе парня, который будет оплачивать ей коктейли, а потом улизнёт из клуба, продинамив, или уедет с ним, если парень ей понравится. А Лёха, напившись, станет рассказывать мне о том, как тяжела судьба поэта в наши дни.

И я решил звонить Сорокиной. С Наташкой мы ходили в одну школу и учились в одном классе, но общаться начали только где-то в девятом, когда нас усадили за одну парту. Я сначала ужасно её не любил: Наташка казалась какой-то отбитой по жизни. Не как все девчонки: она не таскала за собой кипу журналов, почти не красилась и не искала повода надеть короткую юбку. Зато интересовалась спортом, разбиралась в математике и информатике и могла дать такую затрещину, что звёзды из глаз сыпались. Это я тогда думал, что с такими девчонками лучше не общаться. Да и какая она девчонка? Парень в юбке. Я тогда был сильно подвержен стереотипному мышлению и вообще считал, что по бабам.

А теперь в Наташке души не чаял, хотя она всё так же любила хоккейные матчи, кричала на телевизор, стучала пивной кружкой по столу и кидалась в меня чипсами, если я просил её быть потише.

Училась Наташка в другом универе, на мехмате, но мы с ней всё равно созванивались и списывались, старались встречаться хотя бы раз в месяц. Правда, выходило реже. Всё же школьные друзья остаются только школьными друзьями, как ни пытайся сохранить эту дружбу.

Наташка трубку взяла далеко не сразу, пришлось подождать гудков семь или восемь. Я уставился на рекламный щит, который предлагал мне воспользоваться услугами связи другого оператора. «Недорого. Без помех. Будь всегда на связи» — значилось на плакате. Я хмыкнул. Конечно. А если человек просто глухой и не слышит телефон, они это тоже исправляют? Если да, то я посоветую Наташке сменить оператора.

— Чего трезвонишь? — услышал наконец я.

— Я тоже рад тебя слышать, Сорокина. Ты где сейчас?

— Дома... У мамы день рождения. А ты чего хотел?

Я поморщился. Виктория Анатольевна, мать Сорокиной, как-то не вовремя родилась. Как раз тогда, когда мне требовалась помощь её дочери.

— Встретиться хотел.

Сорокина молчала несколько секунд, я ждал и чувствовал, что, вообще-то, она не против свинтить с дня рождения, где наверняка собралась вся её семья, которую Наташка не то что не любила, но старалась поменьше общаться. Особенно с матерью, так как та, по рассказам Наташки, была тем ещё тираном и любила только старшего сына. Я не слишком верил, потому что Наташка всё любила утрировать, но и совсем не упрекал её во лжи: с семьёй Сорокиных я не знаком. Только с сестрой Наташки пару раз пересекался, когда заходил за ней. А вот брата никогда не видел, хотя Наташка говорила, что тот довольно часто появляется у них, хоть и живёт отдельно.

— Хорошо. Давай встретимся в «Егере» через полчаса?

— Идёт. Я буду там раньше. Закажу тебе медовуху.

— Отлично, — она отключилась, и я, уже более воодушевлённый, сел в автобус.

«Егер» находился в паре улиц от Наташкиного дома. Мы там бывали часто, когда встречались. Наташка его отчего-то очень любила, хотя обстановка там ещё та: «Егер» больше походил на пивнушку, чем на нормальный бар. Этакая «наливайка» для местных. Но медовуху там подавали действительно классную.

Свободный столик удалось найти с трудом: всё было забито среднестатистической пьянью. Я снова подивился тому, что Наташка действительно любит тут бывать, и заказал два стакана медовухи у подошедшей официантки.

Сорокина, конечно, опоздала минут на двадцать, когда я уже думал ей снова звонить. Она плюхнулась на стул, потянула к себе свою кружку и только потом решила поздороваться в привычной манере, начиная сразу с главного:

— Что случилось-то?

— Увидеться хотел.

— Хорош заливать, — поморщилась она. — Ты просто так не звонишь, чтобы увидеться. Снова с твоими парнями проблемы?

Наташка давно была в курсе того, что я девками не интересуюсь. В конце десятого класса я ей первой признался, потому что тогда мы начали общаться гораздо ближе, чем с кем-то другим. Она и тогда меня поддержала, и потом. В дальнейшем оказалось, что её брат тоже гей, потому она совсем прониклась и даже предлагала познакомить. Но я предпочитал искать себе парней самостоятельно.

— Ну? — выжидающе глянула на меня Наташка, доставая пачку сигарет: совсем не женских, толстых, с оранжевым фильтром — красный «Мальборо».

Я вытянул из её пачки одну, так как мои закончились, и закурил. И лишь после этого начал рассказывать. Рассказал и про Костика, который в последнее время вёл себя странно, и про Гошку, и даже про Никиту, хотя про последнего не так уж много знал, но к слову пришлось.

Сорокина внимательно слушала, отхлёбывала из своего бокала и не перебивала. За это я её любил. Она всегда могла выслушать, а мне обычно большего и не надо было. Но сегодня не тот случай, и я отчаянно нуждался в мнении со стороны. Друзей-парней, с которыми я мог бы посоветоваться, как и друзей-геев, у меня не имелось. С последними я предпочитал спать, а не дружить, обычные парни меня бы просто не поняли. А вот с Наташкой можно было и пооткровенничать.

— Прекращай мучить своего Костика, — сказала Наташка, когда я, выдохнувшись, закончил и залпом выпил оставшуюся в бокале медовуху.

— Я его не мучаю.

— Только ты так считаешь, походу, — поморщилась она.

— И Костик. Он ведь не говорил, что его что-то не устраивает.

— А ты сам догадаться не можешь, да? Ерохин, ты совсем тупой, что ли? Мозги все вытрахал?

Я обиженно засопел. Наташка всегда отличалась прямолинейностью, граничащей с грубостью. Порой это напрягало, а иногда и вовсе обижало, как сейчас. Наташка поджала губы и посмотрела на меня со знакомым осуждением — так обычно смотрел Костик. И я обиделся ещё больше.

— Тебе Костик этот не нужен. Держишь парня в запасе, вдруг трахнуть не с кем вечером будет. Тоже мне, встречаение. Отпусти его, пусть найдёт себе нормального парня уже, а не такого кретина, как ты.

— Сорокина!

— Что «Сорокина»? — она вздёрнула брови и взяла из пачки ещё одну сигарету. Подкурив, задумчиво перевела на меня взгляд и спросила: — А этот Гошка что? Нравится тебе?

Я повёл плечами. Сам не знал. То, что он привлекал меня, — это точно. Но вот нравился ли? Как любая женщина, какой бы она ни была закоренелой пацанкой, Наташка всё равно имела в виду ту-самую-симпатию, от которой бабочки в животе, голове и в остальных конечностях. Я такого чувства ещё не испытывал.

— Не знаю. Член его нравится.

Наташка закатила глаза и вздохнула. Потом снова стала серьезней, облизала губы и, отложив сигарету, доверительно сказала:

— Глаза, говоришь, у него серые.

— А это тут при чём? — удивлённо спросил я, не совсем понимая, к чему она ведёт. Кажется, за те два месяца, что мы с ней не виделись, она стала ещё более странной, чем обычно.

— Ну-ка, Ерохин, скажи мне, какого цвета глаза у Костика?

Я задумался. Вообще-то, совершенно не помнил. Вроде бы тёмные. Или светлые? Волосы ж у него светлые. Значит, и глаза, скорее всего, тоже будут серыми или голубыми. Или зелёные? А может, всё-таки карие? У меня даже голова разболелась от такого мыслительного процесса, потому что образ Костика передо мной вставал точно, а вот цвет глаз разобрать я не мог.

Наташка удовлетворённо улыбнулась и положила ладонь на мою, некрепко сжав:

— Вот видишь.

Я ничего не видел, потому раздражался ещё больше. Эти бабы вечно что-то недоговаривали. Так сложно сказать, что у них в голове, не пойму? Но нет, Сорокина всё сидит, смотрит на меня и понимающе лыбится.

— Мать твою, Ерохин, ну что ж ты такой тугодум? — не выдержала моего взгляда Наташка, вновь закатив глаза. — Ведь всё на поверхности лежит! Ты знаешь цвет глаз Гошки, но понятия не имеешь, какие они у Костика, с которым ты уже столько трахаешься. Не понимаешь, что ли?! — она явно начала терять терпение и подпрыгивала на стуле. Я продолжал глядеть на неё волком, потому что до меня действительно не доходило.

— Рано тебе трахаться ещё, Ерохин, — вздохнула Наташка. — Рано. Сначала научись мозгами пользоваться, а потом членом.

Добиться от неё большего мне не удалось. Она быстро допила свою медовуху, а потом сослалась на день рождения матери и улизнула. Но я-то знал, что нихрена она не из-за дня рождения ушла, просто не хотела мне рассказывать. Говорила, что я должен сам додуматься. А как я додумаюсь, если вообще не понял, о чём она?

В любом случае с Костиком мы встретились в понедельник. В университете, где он демонстративно не сел рядом со мной. Я поморщился: ну что за бабьи повадки? Поймать его мне удалось только на большой перемене. Затащив в туалет, в тот, где обычно было мало народу, я прижал его к стенке. Костик не сопротивлялся, но и энтузиазма не выказывал. На

лице у него явственно читалось только выражение полного безразличия. Обиделся. Никогда не видел Костика обиженным, но сейчас отчего-то понял, что это именно то чувство.

— Ну ты так и будешь бегать от меня? — спросил я, пока Костик старался смотреть куда угодно, только не на меня. Он не ответил, и мне пришлось встряхнуть его за плечи. — И молчать, да?

— Отъебись, Ерохин. Хочешь трахаться с каждым встречным и отсасывать — пожалуйста. Меня же это заебало, потому позволь тебе сказать, что наши отношения подошли к концу. Если это вообще можно назвать отношениями.

Костик посмотрел на меня серьёзно, потом отцепил мои руки от своих плеч и отстранил. Я несколько растерялся. Конечно, я и сам хотел попросить его о перерыве. Он был нам просто необходим. Но никак не рассчитывал, что он меня бросит. Совсем, судя по всему. Меня это не устраивало. И мою гордость тоже. До этого меня никто не бросал! Чёртов Костик!

— Уйми своё либидо, Ерохин, — он сказал это таким наставительным тоном, что растерянность сразу прошла и её место заняло раздражение, а потом и злость.

— Да пошёл ты! Сам ещё приползёшь, когда никто ноги перед тобой не раздвинет, — фыркнул я, чувствуя, что в груди разрастается горечь обиды. Какой-то странной обиды. Не на Костика даже, а просто на то, что кто-то меня бросает.

— Главное, чтобы ты больше не раздвигал, — не остался в долгу Костик, выходя за двери и оставляя меня одного в туалете.

Я поймал себя на том, что тяжело дышу, а ладони сжаты в кулаки — так хотелось вмазать Костика. У меня всегда была проблема — заводился сразу же, — но Костик сейчас меня прямо-таки вывел. И всё бы ничего, но его последние слова... Закусив губу, я сдержал порыв ударить в отместку хотя бы стену. Расшибать кулак в кровь не имелось никакого желания. Со свистом выпустив воздух изо рта, я постарался спокойно вдохнуть.

Проклятый Костик. А ведь сейчас ещё на пару идти, английский пропускать по-прежнему нельзя.

— Ты в порядке? — какой-то парень, явно первокурсник, зашёл в туалет и глянул на меня. Я поморщился. Да, всё просто великолепно. Лучше не бывает. Меня только что бросили, потому что изначально не сказали о том, что изменять нельзя. Нет, это бы не отменило моих развлечений, но явно сэкономило бы нервы.

Не ответив ему, я тоже вышел в коридор, перекинув сумку через плечо. И уже когда почти подходил к аудитории, вдруг вспомнил блеснувшие от холодной усмешки глаза Костика. Карие. Всё-таки карие.

Глава 6

— Вы молодцы, — Никита сел рядом со мной, когда мы переместились на спортивную площадку. Я сразу пошёл на трибуны, потому что не было смысла мешать съёмкам. Вообще, на этих съёмках я практически ничем не занимался, разве что ссорился с Костиком, но всё равно на них таскался. Так сказать, поддержка. Команда ведь. И мне нестерпимо хотелось увидеть Гошку вне универа. Гошка к концу всего процесса шарахаться от меня перестал. По крайней мере, на взгляд уже отвечал и не старался убежать, когда мы оставались одни. Но и на контакт первым не шёл. Я тоже пока не давил, приглядывался к нему, и в моей памяти постоянно всплывали слова, сказанные Наташкой неделю назад. Про глаза. Это должно было что-то значить. Но пока я не догадывался, а Наташка в сообщениях, которыми отвечала на мои, прямым текстом посылала меня и советовала обратиться к мозгу.

На четвёртом таком сообщении я обиделся и больше не писал, но из головы её фраза так и не вышла.

— Я с Костиком говорил, — Никита, наверное, решил, что моё молчание что-то да значит, и вновь заговорил. Я бросил на него взгляд. Он и сейчас казался мне симпатичным, приятным парнем, с которым было бы неплохо провести время. Но дымка желания сразу завалить его в кровать прошла. Не из-за того, что он был занят, или ещё какой-то ерунды. А вот просто не хотелось. Хотя он явно был в моём вкусе по всем параметрам.

Я снова молчал, потому что понятия не имел, о чём Костик мог с ним говорить. О нашем расставании, что ли? Ну даже если и говорил, то что? Никита пришёл меня уму-разуму учить? Я уже приготовился нахмуриться и съязвить, как он внезапно хлопнул меня по плечу:

— Правильно, что разбежались.

Наверное, у меня сильно округлились глаза, так как Никита тихо рассмеялся, убрал руку и посмотрел на поле, где разворачивался последний этап съёмки. Смирнова красовалась на первом плане в своём платье, на заднем плане пять человек из нашей группы усиленно изображали тренировку.

— Я вообще был удивлён, что вы так долго протянули. Не подходили же совершенно друг другу.

— Много ты знаешь, — не удержал я скепсиса в голосе.

— Много, — совершенно спокойно ответил Никита. — Ты тот ещё разгильдяй по части отношений, нихрена ж в них не смыслишь. Ещё и налево не против сходить. Это, в принципе, нормально. Не для меня, не в моих принципах, но для многих нормально. А вот для Костика нет.

— Что ж он молчал? — недовольство из меня начало выплёскиваться совершенно неожиданно.

— Думал, сам догадаешься, — хмыкнул Никита. — Это большая проблема многих людей.

— Думать?

— Думать, что человек сам догадается, — он почесал затылок и как-то призрачно улыбнулся, словно вспомнив что-то. Я наблюдал за ним не без интереса. Всё-таки что-то в нём такое было, что цепляло и не отпускало. Хотя я бы не назвал его писанным красавцем или особенно харизматичным, но что-то заставляло моё любопытство просыпаться снова и снова.

— Давно ты знаешь Костика?

— Достаточно.

Я подождал ещё немного — вдруг ответ станет более развёрнутым, — но Никита молчал. Я тоже молчал, поняв, что особо распространяться об их дружбе Никита не хочет. Да и Костик не сказал ничего конкретного. И я сделал вывод:

— Вы спали, что ли?

Мой собеседник расхохотался, не успел я даже фразу закончить.

— Ты дурак, что ли? — в тон мне спросил он, поправляя ворот куртки. Ветер сегодня дул холодный. Тёплые деньки подошли к концу, как и октябрь.

Невольно я тоже поёжился: промозглая сырость пробралась и мне под одежду. Я глянул на Смирнову, которая вышагивала в одном платье, и подивился её силе воли. Стоит, улыбается и повторяет одно и то же в камеру. Снимал Костик, а он хотел получить идеальный дубль, морозя девушку почём зря.

— Костик говорил, что ты с кем-то встречаешься. Давно? — решил я перевести тему. Всё-таки если Никита действительно «был занят давно и надолго», то почему бы не спросить его о секрете, который он использует? Тем более, я уверен, что без секрета не обошлось. Нельзя долго встречаться без измен, ссор и расставаний хотя бы на время — в этом я был стопроцентно уверен.

— Ещё с универа, — чуть помолчав, ответил Никита. — Лет семь уже выходит, если с самого начала считать. Не знаю точно. Надо у Мир... — он тут же примолк, видимо, не желая говорить имя своего любовника. — В общем, он эти даты лучше запоминает.

— И что, за семь лет ни одного конфликта?

— Конечно, нет. Мы же не в мире с розовыми пони живём. Просто... — Никита достал из

куртки сигареты, закурил и задумчиво глянул в сторону Костика. — Сложно объяснить. Я насчёт вас с ним. Даже если бы он сказал тебе сразу, это ведь ничего бы не изменило. Ты как гулял бы, так и гулял. Верно? — я кивнул, и он продолжил: — Потому я и не понимаю, почему вы с самого начала не додумались, что не протянете долго.

— Ну мы протянули довольно долго, — заметил я. — Это были мои самые долгие отношения.

— Это и отношениями-то назвать нельзя, — Никита улыбнулся, сбивая пепел с сигареты. — Хотя, думаю, ты и сам потом поймёшь. Я тоже в двадцать лет не понимал, что такое отношения и зачем они нужны.

Он легко соскочил со скамейки и направился к ребятам, уже на ходу давая какие-то замечания и советы. Я смотрел ему вслед и думал, что, может быть, он и прав. Никита вовсе не похож на того, кто будет с кем-то терпеливо налаживать отношения. Скорее, он относился к тому же типу людей, что и я. Только вот... как-то перерос, что ли. Или просто на самом деле я ошибался. Не знаю, но почему-то мне казалось, что он прав. Интуитивно.

Взгляд вновь упал на Гошку, который стоял в первых рядах трибун и подпрыгивал на месте. На нём была лишь тонкая куртка, представляю, как он замёрз. Убрав волосы со лба, хотя их тут же разворошил ветер, я спустился к нему. Гошка бросил на меня настороженный взгляд, но я даже не попытался дотронуться. Несколько секунд его рассматривал, а потом решил: была не была. Я, конечно, хотел подождать, не давить на него, подумать над другой тактикой, но в голову пришло совершенно иное, то, о чём я даже не задумывался изначально, когда рассматривал Гошку как потенциального партнёра. И этот вариант казался мне более удачным. После разговора с Сорокиной и Никитой так точно. И хоть я не до конца осознавал, чего именно жду и хочу, всё-таки спросил:

— Слышь, Касьянов, пойдём кофе попьем.

— Что? — Гошка вылутился на меня, и я вновь обратил внимание на цвет его глаз. При дневном свете они выглядели ещё светлее.

— Кофе, говорю, пойдём пить. Ты замёрз же. Тут кафешка есть. Кофе там не очень, но, главное, горячий.

Гошка оглянулся на «съёмочную площадку»:

— А они как же?

— А они и без нас отлично справляются, не видишь, что ли?

Гошка помедлил и всё же кивнул, хотя явственно сомневался в своём решении. В этом он был не одинок: я в своём тоже сомневался. Но, в конце концов, не могли же два человека —

Наташка и Никита — смотреть на ситуацию со стороны и ошибаться? А если они и ошибались, то я совсем запутался, потому любое мнение для меня уже было ниточкой к выходу из этого лабиринта эмоций и действий, в который я вогнал себя самостоятельно.

В кафе мы пришли, совсем замёрзнув и даже промокнув — начался дождь. Несильный, но мерзкий и противный, который холодными каплями скатывался с волос под одежду, не доставляя никакого удовольствия при этом. Я с облегчением снял куртку, кинул её на спинку свободного стула и сел на соседний. Гошка — напротив меня. К нам довольно быстро подошла официантка, и мы сразу сделали заказ: я — кофе, Гошка — всё-таки чай.

— Не очень люблю кофе, — сказал он, когда девушка отошла от нас. Официантка была симпатичной, если объективно, да ещё и бёдрами виляла дай бог, потому я невольно проследил за взглядом не определившегося в ориентации Гошки, но он не смотрел ей вслед. Хотя даже я не удержался и взглянул.

— А что любишь? — спросил я, заинтересовавшись. Всё-таки о Гошке я почти ничего не знал, кроме того, что он девственник с большим членом.

— Чай. Зелёный. С мятой, — раздельно проговорил Гошка. И замолчал. Видимо, решил, что мой вопрос касается только выбора напитков.

Я чуть задел его ногу под столом, привлекая внимание, Гошка поднял на меня взгляд и вопросительно выгнул брови.

— Я вообще имел в виду, — сказал я.

— В смысле?

Так и хотелось сказать любимое светкино «в коромысле». Оно постоянно просилось на язык, когда Светки рядом не было.

— В смысле, что не только про чай рассказывай. А вообще про всё. Про книжки там, фильмы. Может, ты детей убиваешь по ночам и кайф от этого получаешь. Тоже рассказывай. Только тогда уже по дороге в полицию.

Гошка несколько секунд смотрел на меня с непониманием. И я представлял его замешательство. Если б мне так сказали, я б вообще, может, по морде врезал за излишний интерес к моей персоне. Но Гошка неожиданно заговорил. Затараторил даже, словно всю жизнь ждал этого вопроса и зубрил текст.

За следующие пятнадцать минут я узнал, что Гошка любит Пелевина и Лукьяненко — он что-то говорил ещё про Брэдбери, или Вербера, или даже Бегбедера, а может, вообще про всех сразу, это я уже не отследил, — а также боевики девяностых (я ещё про себя хихикнул, глядя на его

ёжик на голове) и, что неожиданно, документальное кино. Интересы у нас были совершенно разные. Даже еда разная нравилась: Гошка любил супы, я их терпеть не мог, зато обожал жареную картошку, от которой плевался уже Гошка.

Официантка принесла нам повторный заказ, а я обратил внимание, что, пока мы спорили из-за предпочтений в музыке, прошёл уже почти час. Ребята наверняка разошлись. Костик даже не написал. Всё ещё обижен наверняка, но теперь я старался относиться к этому спокойней. Завтра можно будет с ним поговорить на эту тему. Никита дал неплохую пищу для ума, потому у Костика не получится всё свалить на меня.

Но пока было сегодня. И пока напротив меня сидел Гошка, который продолжал доказывать, что «Раммштайн» — это классика рока. Я не то чтобы спорил, но всё равно в полусутку опровергал слова вдруг разошедшегося Гошки, который раньше, кажется, вообще ни с кем особо не спорил. Или молчал, если был не согласен, или всё же соглашался. А тут прям аж покраснел от усердия. За любимую группу явно переживал.

И мне нравились его эмоции, потому я продолжал подливать масла в огонь: осторожно, тонкой струйкой, чтобы потом ещё несколько минут наблюдать за кипящим Гошкой.

Переведя дух, Гошка посмотрел на меня и спросил:

— А чего ты улыбаешься?

— Забавный ты. Так «Раммов» защищаешь, словно они страна тебе, мать и отец.

Гошка смутился и опустил взгляд:

— Просто люблю их очень. На концерт бы попасть, но никак не получается. Да и в России они теперь вряд ли выступать будут. Слышал, что учудили на последнем концерте у нас?

Я покачал головой: музыкой я особо не интересовался. Особенно тяжёлой. Концертами тем более. А уж что там вытворяют музыканты, и подавно. Глаза Гошки загорелись, и он снова начал рассказывать о том, что ему по-настоящему нравилось. Я слушал, хоть и вполуха. Больше думал о том, что Гошка, несмотря на то, что мы совсем разные, мне нравится всё больше и больше. Хотя он говорил о тех вещах, которые меня совершенно не интересовали, и я не считал его даже симпатичным, в Гошке определённо была какая-то изюминка, которую я не смог распознать. И это точно не член. По крайней мере, я на это надеялся, иначе бы начал разочаровываться в себе.

Когда мы шли к остановке, Гошка перестал уже говорить. Он шёл чуть в стороне, сунув руки в карманы куртки, и смотрел себе под ноги. Думал о чём-то. Я решил не лезть в его мысли. Мало ли, к каким выводам он сейчас приходит. Если к неутешительным, то переубедить всегда успею.

Уже почти возле остановки я схватил его за плечо и толкнул за небольшой выступ в стене, пряча нас от большинства посторонних глаз. И уже там поцеловал: не слишком настойчиво, но уверенно, не давая ему отстранить себя. Когда же сам отвлекся и встретился с Гошкиными глазами, он ошарашенно глядел на меня, почти не мигая:

— Ты чего, Ерохин? Тут же люди.

— Они не видели, — отмахнулся я, с удовольствием понимая, что его волнуют только люди вокруг, а не факт поцелуя со мной. — А я привык заканчивать свидания если не сексом, то поцелуем.

Гошка, только начавший моргать, снова застыл и посмотрел, словно впервые видел:

— Свидания? Это было свидание?

— Ох, Касьянов, тяжело мне с тобой приходится, — демонстративно печально вздохнул я и кинул взгляд на остановку. — Мой автобус. Давай, не скучай, — махнув ему рукой, я поспешил к транспорту, запрыгнул в него в последний момент и, уже когда сел на привычные задние сиденья, глянул через окно на всё ещё растерянного Гошку. Он стоял на том же месте, смотрел впереди себя и продолжал держать руки в карманах, а на лице у него читалась целая гамма эмоций: от непонимания до полного осознания того, что происходит.

Хмыкнув, я сунул наушники в уши и включил музыку, находя в своём плейлисте единственную скачанную туда песню «Раммов».

Это определённо было свидание.

Глава 7

С Костиком поговорить, обсудить то, что произошло, расставив все точки над «ё», и сказать, что, вообще-то, он тоже виноват, я намеривался на следующий день, но Костик не пришёл на занятия. На первой паре я несколько не переживал. Костик, конечно, пары пропускал не так часто, как я, но тоже, бывало, предпочитал поспать. Когда же к концу подошла вторая пара, я обеспокоенно завоzilся и, перегнувшись через соседний пустой стул, наклонился к Женьке Смирновой.

— Костик тебе не звонил? — шёпотом спросил я. Она вскинула брови и уточнила:

— А должен был?

Ну я надеялся, что да. Женька с Костиком жили в соседних подъездах с детства, нельзя было назвать их особыми друзьями, но Костик частенько просил Женьку передать справку или прислал ей сообщения, что не придёт. В том случае, когда мы ссорились, конечно. Потому я рассчитывал на то, что и в этот раз Костик что-нибудь скажет Женьке. Но та смотрела

удивлённо и непонимающе, пожала плечами и качнула головой в ответ на мой вопросительный взгляд:

— Нет, не звонил, не писал, почтового голубя не высылал. Да проспал, может. Или забил.

Я поджал губы. Проспал — да, возможно. Но не две пары подряд. Это не про Костика. Забил — вообще не про Костика. Он, конечно, не был отличником, но ученические нормы всегда соблюдал в силу собственного занудства.

Женька вздохнула:

— Хочешь, зайду к нему после пар?

Я кивнул. Да, это было бы неплохо. Женька улыбнулась, выпрямилась и уже было вернулась к лекции, но снова посмотрела на меня и, ещё сильнее понизив голос, спросила:

— Вы опять поссорились, что ли?

Передёрнув плечами, я ничего не ответил. Не поссорились. Расстались — это будет более точно, но вот Женьке рассказывать об этом явно не стоит. Почесав подбородок, я глянул в совершенно пустой лист тетради, где, по идее, уже должна быть написанная лекция, которую я в этот раз даже не пытался слушать. О Костике я, конечно, беспокоился. Даже если он был херовым парнем, который молчал о том, что его не устраивает, он всё ещё оставался хорошим другом, каким успел стать за время наших отношений.

И прощаться с этой дружбой я готов не был. Именно поэтому, услышав звонок, я сорвался с места и поспешил к выходу. Дождаться, пока Женька придёт домой и, если не забудет, позвонит мне, не хотелось. Выскочив за двери, я едва не стукнулся лбом с Гошкой, ошарашенно отпрянувшем. Не остановиться я не смог. Да и не захотел. В конце концов, после удачного свидания пробежать мимо только-только проникшегося мной Гошки — не слишком удачная затея.

— Ты чего? — спросил он, рассматривая меня с неподдельным непониманием. — В столовую боишься не успеть, что ли?

Меня пробрало на смех. Гошка неподражаем! При всех своих данных, он оставался таким балбесом. Столовая... Да я отродясь не ел в нашей столовой. Там вообще кто-нибудь ел, кроме первокурсников... и Гошки, судя по всему?

— Нет, я к Костику.

— А где он? Его не было сегодня на парах, — брови Гошки сошлись на переносице, и он сразу стал выглядеть серьёзней.

— Не знаю. Надеюсь, что дома. Хочу выяснить, не случилось чего.

Гошка неожиданно внимательно посмотрел на меня и, прищурившись, сказал, не спросил:

— Ты волнуешься.

— Волнуюсь, — не стал скрывать я, мимолётно думая, что, кажется, Гошка ревнует. Но он уже как-то расслабился, расправил плечи и кивнул в сторону лестницы.

— Пойдём.

Он неожиданно пошёл первым, а я за ним, удивлённый такой реакцией. Уже на улице, когда Гошка рванул молнию куртки и сунул руки в карманы, он посмотрел на меня, и я заметил в его глазах вспыхнувшие огоньки лёгкого разочарования.

— Слушай, к чему это всё?

— Что «всё»?

Гошка передёрнул плечами и как-то даже сбился с шага. Я наблюдал за ним и понимал, к чему он клонит. Но решил не перебивать: пусть лучше сам скажет, чем потом всё окажется не так, как я предположил. И получится как с Костиком.

— Ну, всё. Я просто не понимаю. Ты вроде встречаешься с Костиком, делаешь мне минет, потом ещё один, потом мы идём на свидание, как ты сказал. А теперь ты снова возвращаешься к Костику.

Кивнув, я мысленно хмыкнул: я оказался прав. С Гошкой всё было проще. Все его мысли лежали на поверхности, и не приходилось гадать. И он говорил прямо. Не как Костик. Да и, видимо, уже освоился с осознанием собственной ориентации, если хочет узнать ответы. Это радовало, так как избавляло меня от множества проблем. Большой — огромный — шаг вперёд сделан. Мне оставалось только легонько подтолкнуть Гошку в нужном направлении. Но для начала стоило выяснить, что случилось с Костиком и почему он не пришёл на занятия. Интуиция, которая, к слову, меня в таких вещах очень редко подводила, твердила, что что-то случилось, а не просто Костик в кои-то веки решил забить на учёбу.

Гошка же продолжал смотреть с требовательной вопросительностью, и мне пришлось отвлечься от своих мыслей. Качнув головой в сторону остановки, я тоже застегнул куртку, так как ветер продувал насквозь, и сказал:

— Я не возвращаюсь к Костику. Я волнуюсь о нём. И это нормально.

— Для тебя — нормально?

Что за удивление в голосе? Да, я волнуюсь за людей. Особенно за тех, которые не один день провели со мной рядом. Может, я хреновый парень, но друг из меня неплохой.

— Нормально, — нехотя ответил я и недовольно глянул на Гошку. — А что, не похоже, что я могу за кого-то волноваться?

— Не похоже, — честно ответил он. Потом немного помолчал и добавил: — Ты не на всё ответил.

— На что ещё я не ответил?

Чёрт, и везёт же мне на зануд. Одного Костика будто мало. Гошка пусть и прямолинейный, но такой же доёбистый оказался. И это раздражало в данный момент, когда нервы и так знатно трепала неизвестность, а автобуса всё не было.

— По поводу Костика... Слушай, я понимаю, что, может, немного настырный, но я хочу знать. Для меня это важный шаг. Я ведь никогда не думал, что гей. И ты мне нравишься вроде, потому я не против, но меня беспокоит...

Я смотрел на него и поражался такой честности. Особенно среди бела дня, хорошо хоть на остановке никого не было, а то б обоим прилетело по морде, окажись рядом какой-нибудь бравый боец за нравы. И всё же слова Гошки подкупали, я не мог просто их проигнорировать, одновременно почёсывая чувство собственной важности: всё же моих рук дело, увёл парня на тёмную сторону. Не должно такое добро доставаться девкам, не оценят же. Будут требовать кино, домино, вино и давать по праздникам.

— Мы расстались с Костиком, можешь не париться по этому поводу. И ты мне тоже нравишься. И нравится то, что я тебе небезразличен. Так что не волнуйся и... О, наш автобус, — я первым подлетел к дверям и вошёл внутрь, сбегая от неловкого разговора. Признаться в чувствах на трезвую голову было для меня в новинку.

Обычно я говорил всю эту чушь, когда меня переполнял виски, текила или хотя бы водка. А сейчас... Это было действительно очень неловко, потому что в такой ситуации я оказался впервые. Но признание как-то само вылетело. И оно было правдивым. То есть Гошка мне нравился. И вроде бы ничего ужасного я не сказал, но всё равно ощущал себя неуютно и в автобусе предпочёл уткнуться в телефон, старательно делая вид, что читаю. Гошка не стал лезть, отвернулся к окну и явно думал о чём-то своём. Может, даже обо мне. Я не исключал такой возможности.

К Костикку мы приехали через сорок минут. Я сначала звонил в домофон, но никто не реагировал. Поэтому, прыгая от холода, мы дождались, когда из подъезда выйдет кто-то из соседей, под наблюдением двух старушек, стоящих недалеко.

— Наркоманами, наверное, нас обзывают, — хмыкнул я, кивая в их сторону. Гошка улыбнулся и закопался носом в ворот куртки, так ничего и не ответив. Домофон запищал, и я облегчённо выдохнул, пропуская выходящую девушку, а после этого ныряя внутрь подъезда.

Дверь квартиры Костика нам тоже не спешили открывать. Хотя звонок у Костика громкий, наверное, все соседи слышат. И я оказался прав: дверь справа отворилась, и оттуда выглянула седовласая голова.

— Чего звоните? — спросила голова недовольно. Я осмотрел очередную старуху, проживающую в непосредственной близости от Костика и явно блюдушую за порядком — иначе объяснить её внимательный и проницательный взгляд было невозможно. Не живут же люди на пенсии спокойно.

— Да мы к Костику из шестьдесят пятой. Он в университете сегодня не появился, решили проверить, всё ли в порядке.

— Проверить они решили, — проворчала старуха. — Увезли вашего Костика ещё утром. С лестницы шарахнулся, ногу, говорят, сломал. В больнице ищите, а то раззвонились тут, — она хлопнула дверью, оставляя нас с Гошкой в лёгком шоке от такого наезда.

Переглянувшись с ним, я смог только пожалть плечами. Конечно, сломанная нога — это серьёзно. Но вдруг обошлось? И как Костик вообще умудрился сломать её? Тряхнув головой, я потянулся в карман за сигаретами. А Гошка внезапно положил мне на плечо руку и сказал:

— Ну нога — это не смертельно.

Не смертельно, конечно. Но не особо радостно.

— Ты пробовал звонить ему?

— Пробовал. Трубку не берёт. Наверное, дома телефон оставил. Я сначала подумал, что он всё ещё обижается, но, видимо, я слишком большого мнения о своей персоне.

Мы спустились на один пролёт вниз, где я смог закурить, подставив ближе пепельницу, стоящую на окне. Кто-то из соседей Костика тоже баловался курением и, судя по всему, не имел балкона.

Гошка стоял напротив и переминался с ноги на ногу. Но молчал. Я тоже молчал. И почувствовал, что всё-таки немного успокоился. По крайней мере, ситуация хоть немного конкретизировалась, и теперь можно было волноваться по другому поводу. Например, насколько сложный перелом. Но Гошка был прав: всё не смертельно.

— Ладно, — я потушил сигарету. Курение успокаивало и помогло и в этот раз. С Костиком

можно было попытаться связаться вечером. Вряд ли тот станет совсем уж меня игнорировать, когда я объявлю о том, что в курсе о переломе. Тем более, хоть кто-то должен будет таскать ему ксерокопии лекций. Конечно, я не собирался ради него начать вдруг все лекции записывать, но потаскать Настенькины был готов. — Пошли домой. Вечером ему позвоню.

Гошка снова застегнул куртку и сказал:

— Может, сходим куда? Я голодный. Макдак тут вроде недалеко.

— Свидание в Маке? Романтика-а, — не удержался я от того, чтобы поддеть его. Гошка сразу же как-то очень неожиданно ярко залился краской и закашлялся, мотнув головой.

— Не свидание, — сказал он. — Просто жрать охота.

— Ну да, — хмыкнув, я первым начал спускаться, решив не вызывать лифт. — Ладно, пойдём. У меня дома всё равно еды нет, так хоть в Маке душу отведу.

И всё-таки в этом что-то было такое... странное и неловкое. Будто бы мне лет шестнадцать, а Гошка — мои первые отношения. Потому что то он, то я постоянно смущались, хотя оба пытались это скрыть. Мне так вообще стыдно было бы говорить о стеснении — с моим-то опытом. Но факт оставался фактом. И что-то во всём происходящем мне нравилось. Какая-то новизна, какое-то желание побыть с Гошкой подольше просто цепляли и заставляли тащиться с ним в Макдак, который я терпеть не мог. В Макдак, а не в постель, куда я обычно стремился попасть с большим энтузиазмом. И за это Гошку приходилось-таки выделять среди тех парней, с которыми я в этой самой постели уже успел побывать.

— Макдак так Макдак, — сказал я больше самому себе, чем Гошке, который даже не обернулся. Двери подъезда распахнулись, и нам в лицо ударило холодным порывом ветра. Что ж, по крайней мере, в Макдаке будет горячий кофе. И Гошка. Больше мне пока ничего и не хотелось.

Глава 8

— Ну и чего ты хотел? Трезвонил, как ненормальный, — Костик сидел на кровати и смотрел на меня недовольно. Словно я отвлек его от очень важного дела. Например, лицезрения потолка. Именно этим он и занимался, когда я вошёл в комнату.

Ногу Костика замотали в гипс по колено, рядом с кроватью стояли костыли, а на лице Костика не читалось ни грамма радости. Это ж целый месяц, а то и больше, без учёбы, да ещё и по уважительной причине! Зануда, точно зануда.

— Может, я волновался, — я опустил на крутящийся стул за компьютерным столом и сделал пол-оборота, разглядывая комнату Костика. Тут было всё точно так же: минимум мебели, ни пылинки — и когда только успевает со сломанной ногой-то? — и настолько педантично

расставленные вещи, что аж тошно становилось. Даже книги на полках в шкафу стояли в строгом алфавитном порядке. Мне стало интересно, как долго Костик выбирал расстановку: по алфавиту или по размеру. Но сейчас спрашивать не решился, Костик и без того был не в духе.

Он вздохнул, как-то устало посмотрел на меня и поджал губы:

— Мне-то можешь не рассказывать. Чего надо? Мне казалось, мы всё решили.

— Может, ты и решил, но я точно нет, — я скрестил руки на груди и как-то даже почувствовал, что и выглядеть стал серьёзнее. Поговорить с Костиком требовалось, разъяснить всё. Эти пару дней, пока он меня динамил по телефону, я успел передумать множество раз, придумать сотню причин для отказа от этого разговора, но ни одна из них не была действительно значимой. С Костиком ругаться не хотелось, даже наоборот — хотелось видеть его своим другом, хоть и не самым близким.

Костик почесал кончик носа, второй рукой погладил гипс и поморщился.

— Чешется? — я ломал однажды руку и знаю, как бывает неприятно под этим гипсом. И ничего не сделаешь ведь! Крутанувшись на стуле, я развернулся к столу, выдвинул ящик и вытащил оттуда линейку: стандартную, тридцатисантиметровую. — Вот, возьми, — я протянул её Костику, — просунь под гипс. Поможет.

Костик кинул на меня очередной мрачный взгляд, но линейку взял. И даже последовал совету. Я довольно улыбнулся, чувствуя, что контакт налажен.

— Слушай, нехорошо как-то вышло...

— Ты про то, как поволок Касьянова минет делать? — Костик вскинул брови, я почувствовал, что снова раздражаюсь. Что ж Костик только о плохом помнит? И почему не помнит о том, что сам ничего против никогда не говорил?

Мне удалось себя перебороть и даже выдать по возможности добродушную улыбку. Уж не знаю, какая она оказалась на самом деле.

— Я про то, как мы разбежались.

— Только не говори, что хочешь возобновить наши отношения, — Костик закатил глаза, что было совсем нетипично для него.

Я напрягся ещё сильнее, сейчас отлично понимаю, что он юлит. Но правду стоило сказать, лучше не тянуть. Поэтому, поёрзав на стуле, я решился на этот шаг и осторожно сказал:

— Вообще-то нет. Извини.

Лицо Костика стало ещё мрачнее. Наверное, где-то в глубине души он всё-таки надеялся на то, что мы вновь сойдёмся, а я буду вести себя, как пай-мальчик. Теперь, после разговора с Никитой, я чуть больше понимал его. И даже испытывал угрызения совести, что не попытался понимать раньше. Впрочем, с него самого вины за то, что молчал, это не снимало.

— Я пришёл не для того, чтобы снова сойтись, — продолжил я, потому что Костик молчал, показывая всем своим видом, что готов слушать дальше. И с таким демонстративным вниманием, что сразу становилось ясно — слушать он не хочет. Не после того, что он услышал. — Но я бы не хотел с тобой переставать общаться, — поспешно заверил его я, наблюдая за реакцией, чтобы вовремя поймать нужную эмоцию. Но Костик оставался бесстрастным и молчаливым, и мне пришлось продолжить говорить. — Я тут и с Никитой поговорил, — губы пересохла от волнения, и я их быстро облизал, — он сказал, что длительность наших отношений для него вообще загадка. И я задумался. А ведь правда. Мы слишком разные с тобой, странно, что мы вообще сошлись. И... Костик, ну давай будем откровенными: виноваты оба. За мной понятно, какие грешки. Но и ты не святой, молчал всё время, ни разу не сказал, что против. Может, скажи ты, я бы не стал по постелям прыгать. А так... — воздух в лёгких закончился, я замолчал. Да и говорить уже было нечего. Наверное, эта речь — самая откровенная и пламенная из сказанных мной. Я не привык объясняться с бывшими парнями на тему нашего расставания и как-то анализировать отношения. А тут такое выдал... Пора обвести этот день в календаре красным. Или чёрным. Тут уж зависит от ответа Костика.

Но он молчал. И даже не смотрел на меня. Я тоже ничего не говорил, лишь смотрел на него и не мешал размышлять. Знал, что такое задумчивое лицо у Костика бывает тогда, когда он что-то тщательно взвешивает.

— А если сейчас скажу, что против, что хочу, чтобы ты порвал со своими хахалями-однодневками, и тогда мы продолжим встречаться, ты перестанешь прыгать по постелям?

Такого вопроса я не ожидал. Поэтому опешил и растерянно посмотрел на него, панически соображая, что ответить. Да так, чтобы он не обиделся. С Костика станется. Снова поёрзав на стуле, я почувствовал себя максимально неудобно. Никогда не думал, что с Костиком мне будет настолько некомфортно рядом, что захочется сбежать. Я провёл ладонью по волосам, зачем-то дёрнул себя за мочку уха и всё-таки ответил:

— Нет, прости... — Костик сразу разочаровано взглянул на меня и усмехнулся. На его лице читалось откровенное «я так и знал», но я почти сразу продолжил: — Просто... Ты мне нравишься, Костик. Но, наверное, не так, как надо. Я не очень хорошо умею разбираться в чувствах, своих в том числе, ты знаешь ведь. Мне бы хотелось остаться с тобой друзьями, ты для меня близкий человек, только...

— Гошка тебе нравится так, как надо, да?

— Ты догадливый, — облегчённо выдохнул я, радуясь, что не нужно ничего объяснять.

— Даже слишком, — Костик упал головой на подушку и уставился в потолок. — Ладно, я тебя понял.

— Только я ничего не понял. Мы друзья или...

Костик глянул на меня и вздохнул:

— Слушай, я не могу тебе ничего обещать. В отличие от тебя у меня действительно были какие-никакие чувства, а не только желание потрахаться.

— Ну и у меня они были, просто с Гошкой как-то всё по-другому. Знаешь, он такой смешной, совершенно неопытный, но забавный. И мне нравится. Не только в постель затащить хочется, но и в кино сходить или чай попить.

— Избавь от подробностей, — поморщился Костик. — Иди уже.

— Не уйду, пока ты не скажешь мне ответ.

— Не могу пока ничего сказать. Дай мне время переварить это, — Костик потёр виски и снова уставился в потолок.

Я поднялся со стула, уходить не хотелось, но понимание того, что Костик ничего не ответит мне сейчас, было слишком явным. Пришлось попрощаться и убраться, считай, ни с чем. Впрочем, тон Костика обнадеживал.

На улице похолодало, я замотал шарф вокруг шеи, вставил наушники в уши и поспешил на остановку. Уже в автобусе меня застало сообщение от Гошки. «Сходим в «Осу» сегодня?» — я несколько секунд пялился на текст, прежде чем понять, ЧТО предлагает Гошка.

Свидание! Этот чувак, который несколько недель назад испуганно жался в стенку туалетной кабинки и стеснялся даже поцелуя, сейчас САМ приглашал меня на свидание. Кажется, я даже глаза вытаращил от удивления, а пальцы уже сами собой набрали короткое «ок», правда, следом, уже более осознанно я написал: «в восемь».

Удивительные вещи происходят. Именно с этими мыслями я собирался на нашу встречу. Мыслей вообще было, конечно, больше. Например, стоя под душем, я всё пытался понять, как именно отношусь к Гошке. То, что он мне нравится, я понимал. Вот только не мог определить, как именно и насколько сильно. Сорокина была права, когда однажды сказала, что я не могу сидеть на заднице ровно — мне скучно. И не получится ли так с Гошкой тоже? Что через пару недель он мне наскучит, и я пойду искать другие развлечения?

Странно было не то, что я наконец осознал это и принял не как данность, а как проблему. А то, что я реально начал задумываться, как этого избежать. Наверное, Сорокина назвала бы это

прогрессом. Я даже захотел ей позвонить, чтобы посоветоваться, но решил, что разговор получится слишком долгим и лучше его отложить на другой день, когда будет свободный вечер, чтобы мы могли встретиться, выпить и перетереть. На трезвую голову подобные вещи обсуждать мне было бы сложно — я это чувствовал.

— Ходил к Костику?

Я посмотрел на Гошку с лёгким прищуром. Мы только успели сесть за свободный стол и сделать заказ, а тут сразу такие вопросы... Даже выжидать не стал. Беспокоится?

— Ходил, — кивнул я, решив не мучить его.

— И? — чуть напряжённо глянул на меня Гошка.

— Не переживай, мы не сошлись. Ты же из-за этого спрашиваешь?

— И из-за этого тоже, — Гошка закусил губу. Я невольно проследил за этим движением и сглотнул. Всё-таки что-то в Гошке было непередаваемо сексуальное. Даже в таких невинных жестах. Сразу хотелось его завалить здесь же. Я стиснул зубы и попытался восстановить дыхание. А Гошка продолжил после короткой паузы: — Некрасиво получилось по отношению к Костику. Вы же встречались, а тут я...

Скрыть удивление у меня не получилось. Потому что я никак не ожидал, что в нашем с Костиком расставании Гошка будет винить себя. Отхлебнув от принесённого официанткой бокала с пивом, я откинулся на спинку стула, на котором сидел, и покачал головой:

— Тебе из-за этого точно не стоит переживать. Думаю, мы бы всё равно рано или поздно разбежались. Не ты, так кто-то другой стал бы последней каплей Костика.

Гошка скользнул по мне немного растерянным взглядом и вздохнул, снова опуская голову и начиная изучать столешницу. Я молча наблюдал за ним. Сейчас я пытался приноровиться к новой роли, непривычной мне: роли человека, который пытается начать строить нормальные отношения, а не просто развлекается. Это был интересный опыт, нужный. Но не только из желания эксперимента я пошёл на это.

Пусть я ещё не до конца разобрался в своих чувствах к Гошке, но он точно мне нравился. И мало того, что с ним хотелось поскорее оказаться в постели, так ещё посидеть вот так в кафе было приятно. И узнать желал не только про любимые позы в постели — хотя, конечно, у Гошки не спросишь этого, девственник, блин, попался на мою голову, карма, наверное, — но и про другие интересы тоже.

И я принимал это с осторожным любопытством, словно ступал на тонкий лёд, покрывший знакомую реку, которую я обычно пересекал по мосту. Это было интересно. И я хотел узнать,

что случится потом, когда я доберусь до противоположного берега.

Глава 9

— Как думаешь, мы выиграем? — Гошка шёл рядом со мной по студенческому парку, привычно засунув руки в карманы куртки и спрятав нос в воротник.

Осень наступила окончательно, с неба падала какая-то ерунда, — то ли дождь, то ли снег — а под ногами шуршали жухлые листья, нарушая тишину, восстановившуюся после большого перерыва. Пар сегодня было только две, поэтому мы в свободном полёте направились по домам. Точнее, ко мне домой. Вчера я купил клёвую игру, но одному в неё играть было откровенно скучно. Это я понял сразу, поэтому потащил Гошку к себе. Гошка упрямылся, но недолго. Наверное, сначала переживал, что я затащу его в кровать сразу же, как мы придём домой.

И, честно говоря, такой расчёт присутствовал. Уже несколько недель — ладно, всего две — секса у меня не было. И это меня напрягало, потому что до этого вынужденного воздержания я в развлечениях себе не отказывал. А тут пришлось напрягаться изо всех сил, чтобы Гошку не спугнуть. Он и так на лишние и совершенно невинные прикосновения реагировал слишком резко и ярко: моментально бледнел, отшатывался и сразу сворачивал разговор, придумывая причину для ухода. Сначала меня это забавляло, но сейчас уже раздражало. В конце концов, мы же не с нуля начинали — я ему минет делал, а он боится простого прикосновения к плечу.

Так что сегодня я раздумывал над тем, брать ли алкоголь, сколько и как напоить Гошку до той кондиции, чтобы смущение отошло на задний план, но и заниматься сексом он был готов. Презервативами, кстати, тоже успел запастись, и сейчас от всей души надеялся, что мне они понадобятся. Зря, что ли, вчера в аптеке полчаса стоял и выбирал?

Гошка, кажется, подозревал о моих намерениях, поэтому в магазине, куда мы зашли по пути, от коньяка отказался, от вискаря тоже, согласился лишь на пиво. И то...

— Только одну, — серьёзно проговорил он, глядя на меня с каким-то скрытым осуждением. Ну точно ведь знал!

Мне пришлось кивнуть, положить в корзину одну — только одну — бутылку пива и надеяться на то, что дома Гошка расслабится. А там у меня и коньяк, оставшийся с прошлой гулянки месячной давности.

— Ты один живёшь? — спросил Гошка, когда мы зашли в квартиру. Я скинул кроссовки, повесил куртку и кивнул:

— Да. С этим мне повезло.

— И не говори. Так ты не сказал мне ничего по поводу выигрыша.

— А что говорить? — пожал я плечами, ведя Гошку на кухню. — Вряд ли выиграем. Я тут на днях одним глазком глянул на то, что представляют рекламисты с четвёртого курса, и могу тебе точно сказать — мы в пролёте.

— Вот непруха, — вздохнул Гошка. — Я уже понадеялся на освобождение от сессии. Перед Новым годом было бы очень кстати.

— Оно всегда было бы кстати. Возьми из холодильника пиццу, её разогреем.

— Ты совсем не готовишь? — Гошка удивлённо посмотрел на меня, я в ответ промолчал: ну кого он спрашивает? Ответ очевиден, кажется. Мне проще заказать пиццу или купить замороженную, чем пытаться что-то приготовить. Впрочем, иногда, когда деньги заканчивались, приходилось давиться пельменями.

Сообразить обед нам удалось через минут пятнадцать. Гошка нашёл у меня в холодильнике помидоры, огурцы и сыр, покрошил всё это в салат.

— Не могу вот так, просто пиццу, — развёл он руками в ответ на мой многозначительный взгляд. Впрочем, вскоре мы переместились к телевизору и приставке, где я, поглядывая на Гошку, принялся шаманить с настройками игры. Играть не очень хотелось, но не сейчас, когда наконец удалось заманить Гошку в квартиру. И моё напряжение — исключительно сексуальное — казалось, искрило похлеще загоревшейся проводки.

Скорее всего, Гошка это ощущал, потому что смотрел на меня порой такими глазами, в которых читался один вопрос. Но стоило мне присмотреться и чуть задержать взгляд, как он отворачивался и делал вид, — я был уверен в этом — что занят игрой. Все бои я проиграл, конечно же, потому что больше думал, чем смотрел на экран, автоматически щёлкая по клавишам джойстика. Я всё никак не мог понять, хочет Гошка того же, что и я, и просто не решается сказать об этом из-за смущения, или же он искренне уверен, что мы пришли только играть и жрать пиццу? Если второе, то я могу ещё раз убедиться в его исключительной наивности, в конце концов, он вроде как согласился на отношения со мной, а мы не пятнадцатилетние школьники, чтобы ходить друг к другу в гости, смотреть мультики и кидаться попкорном.

Поэтому, отложив джойстик, пока Гошка выбирал следующий уровень, я не сдержался и подсел к нему поближе. Конечно, от одной, выпитой им, бутылки пива сознание вряд ли помутилось, но напоить его было невозможно, приходилось прощупывать почву без лишних алкогольных возлияний.

Стоило мне положить руку на плечо Гошки, как он моментально вздрогнул и повернулся ко мне. Я с трудом сдержал смехок — такие огромные и удивлённые глаза, словно я его уже завалил на пол, а он, невинная овечка, даже не подозревал о моих наклонностях.

— Ты чего, Димыч?

Я закатил глаза и уже уверенно сел рядом, почти впритык.

— Чего-чего? Ты же не думал, что мы сюда пришли только в игрушки играть?

Судя по выражению лица Гошки, он всё-таки думал. И за что это мне? Почему я решил вдруг остепениться именно с парнем, который о сексе знает только из порно? Взгляд упал на пах Гошки, и я сразу решил для себя — вот почему.

— Димыч, я...

— Не ломайся, как целка, — фыркнул я, в один момент седлая его колени и вытаскивая из рук джойстик. И пока я устраивался, Гошка вцепился в мои плечи и вытаращил глаза, выпалив разом:

— Но я и есть... — «целка» он не выговорил, стремительно покраснел и замолк. Я не смог сдержать смех, осторожно взял его за запястья, заставил откинуться на спинку дивана и прижался крепче бёдрами к его коленям.

— Успокойся, — шепнул я прямо ему в губы и не дал ответить, сразу же целуя: на этот раз глубоко, без невинной прелюдии, с языком и даже лёгким покусыванием. Гошка что-то замычал, попытался сказать, но целовался я — не буду скрывать — слишком хорошо, чтобы от этого можно было отказаться, и Гошка сдался, отвечая неумело, но с похвальным рвением.

Я, оценив этот жест доброй воли, сразу же переместил руки с чужих запястий на шею, а сам бёдрами скользнул ближе к паху, начиная ёрзать. Гошка почти моментально откликнулся порывистым выдохом и отстранился, глядя на меня ещё более смущённо. Улыбнувшись, я погладил его по щеке, спуская вторую руку к поясу джинсов, чтобы его расстегнуть.

— Не волнуйся, — мне стоило его по-настоящему успокоить. Потому что без этого ничего не получится. И я был готов потратить на это время, тем более результат должен меня поразить. — Просто не думай, что ты можешь сделать что-то не так. Подумай лучше о том, что в твои годы с такими причиндалами ходить в девственниках просто стыдно.

Гошка насупился, но мешать мне не стал. Молча следил за моими движениями, пока я расправлялся с его ширинкой, стаскивал джинсы и трусы.

Когда я уже наклонился над его пахом, чтобы немного ускорить процесс, он вдруг ожил и подал голос:

— У меня это... резинок нет, — а голос-то охрип у него. То ли от волнения, то ли от желания, то ли от всего вместе. Впрочем, я чувствовал себя не лучше. Внутри меня всё поддрагивало от того, что я наконец добился своего, что Гошка вместе со своим членом теперь в полном моём распоряжении. И что после этого секса я точно смогу сказать, что мой сексуальный опыт —

большой. Большой и длинный.

— У меня есть, — хмыкнул я, возвращаясь к тому, с чего начал.

Гошка возбудился, как и ожидалось, моментально. Я не успел даже как следует головку языком пощекотать да в рот поглубже вобрать весь член, а тот уже встал. И нельзя сказать, что я был доволен. Раньше эта Гошкина чувствительность играла со мной злую шутку: не успевал я разогнаться, как он уже кончал. Мне не хотелось, чтобы и сегодня всё закончилось так же.

— Слушай, — я упёрся ладонями в диван по бокам от его бёдер и поднял голову, — попробуй только кончить раньше меня. Не сегодня, ясно?

Гошка сглотнул. Он был всё такой же красный, взволнованный и явно желающий продолжения, хоть и боявшийся его.

— Если кончишь — сам тебя трахну, чтобы неповадно было, — поставил я условия. Гошка задохнулся от возмущения, но сказать ничего не успел — я снова взял его член в рот, но в этот раз я пережал основание, чтобы снова не попасть впросак. Трахать Гошку я не хотел. Точнее, я был бы не против распробовать с ним и верхнюю позицию, но не сегодня.

Мне хватило ещё пары минут, чтобы довести Гошку до нужного состояния, раздеться самому, а потом я достал резинки и зашуршал обёрткой. Себя я подготовил заранее, не зная наверняка, получится ли затащить Гошку к себе, но решил, что в случае удачи, время на подготовку тратить будет некогда. И был прав. Судя по всему, дай Гошке хоть минуту подумать, он тут же сбежит. Упускать такой шанс я совершенно не собирался. И, закусив губу, глядя на член Гошки, пытался представить, какую же позу придумать, чтобы у нас всё получилось так, как надо, и без последствий.

Я задумывался об этом и раньше, но тогда перед глазами не было члена Гошки. И теперь в голове прочно засела мысль — а если не получится? И ведь могло! Размер члена у Гошки действительно был завидный и совершенно нереальный. В порно, которое я видел, конечно, и не таким трахали, но я не порно-актёр, разъёбанный до таких размеров, что и две руки засунуть можно.

Отказываться от своего шанса, впрочем, я не собирался. Поэтому быстро раскатал резинку по чужому члену, сам опустился на диван, стащил со спинки небольшую подушку и подложил её под поясницу, расставив ноги. Гошка смотрел на меня глазами испуганного кролика и как-то совсем по-детски шмыгнул носом.

— Может, не надо?

— А ты готов отказаться прямо сейчас? — я недовольно поджал губы и потянул его к себе за плечи. — Давай. Я растянут, только осторожно. Знаешь же, куда вставлять?

— Выбор не большой, — пробурчал Гошка, сконфуженно глядя куда угодно, только не на меня. Ну что не так с этими девственниками, серьёзно? Им предлагаешь совершенно бесплатный и наверняка улетный секс, а они ещё ломаются.

Гошка, правда, сообразил довольно быстро, что нужно делать, потому, тяжело дыша, начал попытки вставить в меня член. Но как-то всё неловко шло: Гошка пыхтел, член не вставлялся, а я чувствовал себя в абсурдной порно-комедии, потому что в такую ситуацию ещё не попадал. Наконец Гошка как-то приноровился и толкнулся, я закусил губу — это было больно. Больнее, чем я ожидал.

Вцепившись в его плечи, я пытался расслабиться, пока Гошка продолжал попытки втиснуться в моё тело, но тело сводило от разрывающей боли. И мне пришлось резко его отстранить. Так не было даже, когда я впервые давал в зад.

— Ты что-то неправильно делаешь.

— Что тут неправильного можно делать? — обиженно посмотрел на меня Гошка. Он выглядел сконфуженным щенком, сразу захотелось потрепать его за ухом. Но я уже начинал злиться, что ничего не выходило. А ведь так близко подобрались!

— Не знаю. Дай, я сам.

Гошка удивлённо почесал подбородок и медленно кивнул, явно мало понимая, что я хочу сделать. Но план у меня уже был. Я заставил Гошку лечь, сам снова оседлал его бёдра и, прихватив чужой член, приподнялся, пытаюсь самостоятельно насадиться. Первое что я понял — подготовил я себя плохо. Под любой член нормально, а вот под Гошкин — нет. И, честно говоря, становилось ясно, что продолжать сейчас — совершенно бессмысленно. Но я упорно пытался насаживаться, морщась от боли. В конце концов, чем я хуже этих порно-актёров? Гошка смотрел на меня во все глаза, ловил воздух ртом и наконец сказал:

— Может, не надо?

— Надо, — упёрто проговорил я. Член вошёл всего на несколько сантиметров. Совсем мало. Но он был таким толстым, что дискомфорт причинял ощутимый. И я заелозил, мышцы ног уже сводило, поэтому следовало начать хоть какое-то движение. Авось, и расслабиться смогу.

Гошка вцепился в обивку дивана, когда я начал мало-мальски двигаться, а потом совершенно неожиданно вздрогнул и на мгновение зажмурился. И я понял — всё, Гошка сдулся.

— Ты же обещал! — зашипел я, слезая с его коленей. Гошка виновато на меня посмотрел, потом стащил презерватив и как-то совсем аккуратно положил его на пол, словно носовой платок. Ещё б свернул и погладил.

Я бы фыркнул, но был в бешенстве. Мало того, что ничего не вышло, так ещё и Гошка, когда дело стало продвигаться, кончил.

— Скорострел, блин.

Гошка смотрел в пол, явно не желая это обсуждать, а меня почти колотило: от злости и от возбуждения, которое в этот раз я совсем не хотел снимать рукой.

— Ты помнишь наш уговор? — я схватил Гошку за подбородок и заставил посмотреть на себя. Гошка затряс головой и начал отодвигаться от меня по дивану. Я наседал. Без секса сегодня остаться в моих планах не было. — Помнишь, вижу, — улыбнулся я. — Ты ведь обещал. А обещания надо исполнять.

— Но я... — лицо Гошки исказила мученическая гримаса, но в этот раз меня не проняло.

— Что «я»? Это приятно, если знать, что делать. А я знаю.

Завалить Гошку на диван мне удалось, Гошка не то чтобы сопротивлялся, но особого воодушевления не испытывал. На его лице читались растерянность и желание сбежать. Я отчасти его понимал. В конце концов, сам-то я шёл на секс по доброй воле, а его, считай, заставлял. Да и первый раз... Не так стоило это делать. Гошка расслабиться не сможет, и в конечном итоге никто особого удовольствия не получит.

— Ладно, — я отстранился, — не бойся. Не буду же я тебя насиловать. А то ты ж мне и по морде дать можешь.

Гошка недоверчиво глянул на меня и кивнул, хотя, конечно, я нисколько не верил, что после всего произошедшего он действительно полезет в драку. Я вздохнул и кивнул на свой пах, где возбуждение вполне явственно проглядывалось.

— Мне-то теперь что с этим делать?

Гошка молчал, снова покраснев, а потом, когда я уже собрался натягивать джинсы обратно, накрыл мой член ладонью и несмело провёл по нему. Теперь пришла моя очередь удивляться, но ни в коем случае не сопротивляться. Гошка действовал неуверенно, осторожно и неловко. Ничего странного я в этом не видел, хотя подметил, что движения у него всё-таки привычные: рука скользила ритмично и с этого ритма не сбивалась. Практика сказывалась, видимо. Усмешку я не сдержал. Но уже в следующую секунду забыл обо всех мысленных подколках и, чуть прогнувшись в пояснице, подался бёдрами в чужую руку, чтобы наконец кончить.

В любом случае, чужая рука — лучше своей. А у Гошки продвижение вперёд. Поэтому в знак благодарности я притянул его к себе и поцеловал, но не так напористо, как до этого. Скорее, расслабленно и даже лениво. Такие поцелуи я себе позволял после хорошего секса, которым

здесь и не пахло. Но Гошка откликнулся неожиданно резво, перехватил инициативу и даже углубил поцелуй сильнее.

Я думал об этом, когда Гошка уже ушёл — такой же смущённый, растрёпанный и переживающий из-за неудачи. Мои попытки сказать ему, что всё в порядке, что бывает, когда не получается, и что он совершенно не виноват в размерах своего члена и моих физических возможностях, на него не подействовали. И я махнул рукой. В конце концов, сегодня мы уже сделали большой шаг вперёд. А для Гошки, девственника и бывшего якобы натурала, так вообще прыжок вперёд. И следовало гордиться хотя бы этим.

Глава 10

— Ну что там, что? — Женька села на один из стульев, выставленных в ряд возле аудитории. Меня сразу окутало облаком духов, которыми Женька, кажется, облилась с головы до ног. В носу защипало, и я чихнул. Женька же поёрзала на стуле, поправила волосы и взглянула на дверь, из-за которой не было слышно ни одного звука. Создавалось впечатление, что это один большой массовый экзамен, потому что в коридоре толпилось много народа с разных групп. Кто-то уже успел пройти просмотр ролика, кто-то ещё только готовился, снимая напряжение разными способами.

Лёха, вон, курить постоянно бегал, а потом возвращался и нервничал ещё больше. И, честно говоря, я понимал такой мандраж. Пусть это не академический экзамен, но не менее важный. Сдашь его — свободен от сессии. Только вот с каждой минутой казалось, что даже в десятку лучших мы не попадём. Или сколько там роликов должны представить телевизионщикам?

— Ничего, — вместо меня ответил Гошка почему-то шёпотом. Он тоже нервничал: качался на стуле туда-сюда, постоянно хватался за меня, чтобы не упасть, и кусал губы. Это отвлекало меня лучше всего остального, потому я, не стесняясь, с Гошки глаз не спускал.

— Как — ничего? Через сколько мы пойдём-то?

— Через одну группу. Там филфак перед нами ещё, — буркнул я. — Чёрт, жаль Костика нет. Он бы презентацию забабахал. Если пройдем в десятку, надеюсь, он придёт, пусть с костылями, но он лучше нас сможет представить ролик.

— Лучше бы он сегодня пришёл, — вздохнул Гошка, с сомнением глядя на меня. И я его понимал: презентацию доверили мне, как самому болтливому и не особо боящегося аудитории слушателей, только вот я сам сомневался в своих силах. Одно дело оттарабанить выученный текст, совсем другое — отправиться его представлять, когда я сам сомневался в нашей победе. Мне удалось увидеть не только ролик рекламистов, но и пару других. И мы проигрывали по всем фронтам. Срочно требовался Костик.

Я пытался звонить ему, но Костик упрямо не брал трубку. Лёха тоже звонил, но Костик и его проигнорировал. И даже на сообщения о том, что дело касается не наших с ним отношений, а ролика, Костик не отреагировал.

— Это на него не похоже, — вздохнула Женька, разглядывая рядом стоящих «конкурентов». Я удивлённо взглянул на неё — мысли, что ли, читает? И уточнил на всякий случай:

— Ты про Костика?

— Про него, — кивнула Женька. — Не похоже на него. Раньше Костик спешил на помощь при первой возможности, даже если бы шею свернул, всё равно бы пришёл. А тут... Блин, это же реально важно. Что он выёживается? — Женька поморщилась и, достав телефон, быстро начала водить по экрану наманикюренным пальчиком. — Сейчас позвоню ему, а если не ответит, а мы не пройдем в десятку, сама приду к нему и вторую ногу сломаю.

— Тогда он точно не придёт нас презентовать телевизионщикам, — заметил Гошка.

— Придёт. Прикатим в инвалидной коляске, — фыркнула Женька, прикладывая телефон к уху. Я невольно напряг слух. Правда, не понимал, чего Женька хочет добиться — Костик-то всё равно не успеет к нашему заходу в аудиторию. Впрочем, наверное, поменяться можно с кем-то. Я огляделся, пока Женька вслушивалась в гудки. Но через полминуты она отложила телефон и поморщилась: — Зараза, не берёт. Точно вторую ногу сломаю. Козёл, — Женька надула и без того пухлые губы и мрачно уставилась в противоположную стену.

— Как вы мне не доверяете, — не удержался я.

Женька бросила на меня мрачный взгляд и уточнила:

— А сам-то ты себе доверяешь? Запорешь же всё. Заржёшь или ещё что-то в твоём духе, — она сморщила нос.

Я был вынужден с ней согласиться. Гошка как-то сочувствующе положил руку мне на плечо, и если в любой другой день это вызвало бы у меня приятное удовлетворение, то сейчас лишь раздражение — сочувствовать все горазды, а вот вызваться защищать проект никто не собирался, похоже. Зато потом, когда я провалюсь, будут меня же винить, что я не смог правильно подать информацию. Объективно говоря, ролик у нас не был самый худший, но он — так казалось мне — не особо выделялся среди остальных. Такой средненький, что до десятки точно не дотягивал. Поэтому так и переживал из-за общения с деканом, который отсеивал ролики вместе с остальными представителями «комиссии».

— Так, мы следующие, — Лёха взволнованно глянул на дверь, за которой скрылись филологи, потом на меня и явно хотел что-то ещё сказать, но смолчал. На своё счастье, иначе я бы не выдержал, психанул и ушёл бы, наплевав на всё. Давление ощущалось слишком сильно. И противиться ему у меня не было возможности. Конечно, Гошка мне говорил, что ничего страшного, если мы проиграем. Сессия — не ад, но отвечать за судьбу целой группы для меня стало в новинку. Странно, что не все пришли сюда трястись и прожигать во мне дыры.

Я поднялся со стула, взял покрепче файл, где лежали флешка и пара листов, которые помогли

бы мне с презентацией, и обвёл взглядом присутствующих:

— Ну, удачи пожелайте, что ли.

Женька встrepенулась, подскочила и притянула меня за плечи к себе, смачно поцеловав прямо в губы, оставив на них привкус и липкое ощущение от помады:

— Удачи, — излишне восторженным тоном проговорила она. Я нахмурился, вытер тыльной стороной ладони губы и бросил взгляд на Гошку. Вообще-то от его поцелуя я точно не отказался. Только вот вряд ли собравшиеся вокруг это оценят. Вряд ли сам Гошка это оценит. За прошедшие дни мы, конечно, сблизились. Даже в сексуальном плане он стал немного более раскрепощён, хоть до самого главного мы так и не смогли дойти. Но вот на людях Гошка держался нарочито обособленно и даже отчуждённо. Даже прикоснуться к себе не давал, приходилось обходиться похлопываниями и ещё чем-то совершенно меня не устраивающим, но явно подходящим по вкусу самому Гошке.

При этом, мы вроде как действительно встречались. Выбирались в кафешки, пару раз мне удалось загашить его в клуб, а ему меня в кино и на какой-то концерт местной рок-группы, игравшей, признаться, так отвратно, что уши вяли. Но со всем этим у меня так редко возникали мысли о сексе с кем-то другим, что я сам себе удивлялся. Нет, конечно, в том же клубе, видя какого-нибудь явно с «моего поля» парня, я загорался и провожал его взглядом, но потом видел перед собой Гошку и как-то всё само собой утихло. Не могу сказать, что это влюблённость, — так ведь называют подобные чувства? — но что-то в этом определённо было. И меня оно устраивало, потому что было новое, непривычное и совершенно занимательное.

— Ни пуха, — Гошка улыбнулся и похлопал меня по плечу. Я едва сдержался от того, чтобы не поморщиться — этих похлопываний было слишком много, лучше б он вообще без них обходился.

— К чёрту, — выдохнул я, перехватил файл крепче, сжал его в руке и направился к кабинету. Внутри всё сжалось. Мне кажется, я так даже перед настоящими экзаменами не волновался. Там, в конце концов, от меня зависела только собственная судьба, а здесь целой группы.

Потянув ручку на себя, я вошёл внутрь аудитории и огляделся. На первом ряду сидели декан, Аллочка, ещё одна дивчина из деканата и философ, имени которого я не помнил, но в лицо знал прекрасно.

— О, Ерохин, — Аллочка вздёрнула нарисованные брови и внимательно меня оглядела, — неожиданно.

Ответить бы ей что-нибудь этакое, но пришлось смолчать, улыбнуться и пройти к тумбе, передав по пути флешку с роликом Ваньке, который учился на последнем курсе и помогал со всякой техникой на разных университетских мероприятиях.

Ванька что-то помудрил с компьютером, направил проектор, я развернулся, чтобы ещё раз оценить наше творение. Заиграла музыка из колонок, и на экране появилась Женька в своём сногшибательном платье. Она призывно улыбалась в камеру и говорила выученный текст. Чёрт, что Женька вообще забыла в архитектуре? Ей бы реально на телеэкраны. Выглядела она, при всей моей предвзятости к ней, офигенно.

Аллочка с ректором покачивали головами, девица с деканата смотрела равнодушно, явно уже устав от такого потока информации, а философ сидел с непроницаемым лицом.

— Хорошо, — Аллочка, видимо, была их главным голосом, потому что другой причины, почему она постоянно говорила, а остальные нет, я не находил. — Ерохин, ну расскажи нам про то, что мы только увидели. Кстати, передай Смирновой, чтобы в университет в таком виде не вздумала прийти — мигом домой отправится.

— Алла Борисовна, не об этом сейчас, — осуждающе глянул на старую гримзу философ. Я поморщился — как же его зовут? То-то на языке вертелось.

— Владимир Степанович...

Точно! Владимир Степанович Мироненко — самый занудный препод во всём универе.

— Владимир Степанович, — Аллочка ответила убийственным тоном, что я точно понял — она всё-таки за главную. Вот карга, блин. Из-за платья прицепится ведь! — Я даю совет на будущее. У Смирновой и так достаточно пропусков.

Мироненко поправил очки, вздохнул и кивнул мне:

— Говорите, молодой человек, — и в его голосе читалась откровенная просьба. Видимо, он тоже поскорей хотел заткнуть Аллочку.

Я воодушевился такой мнимой поддержкой и, достав из файла свои подсказки, начал тараторить:

— Наш ролик сделан в лучших традициях рекламы на ТВ. Лаконично, ёмко, визуально красиво. Мы рассказываем не только о плюсах обучения, но и о внеклассных занятиях, о наших секциях, о культурном развитии. Наш ролик...

— Молодой человек, — Мироненко потёр виски и проникновенно посмотрел на меня, — вы не рекламируйте сейчас, попроще будьте. Мы уже столько роликов посмотрели сегодня, а вы все одинаково их представляете.

Аллочка кивнула, соглашаясь, и впиалась в меня взглядом. Я растерялся. Что, значит, попроще? У меня был заученный текст, который, по идее, лучше всего должен пойти для презентации.

Чёрт, Костик бы точно сообразил. Вообще не вовремя он ногу сломал!

Вздохнув, я всё-таки попытался собрать все мысли в голове воедино.

— Ну... это... — прочистив горло, я продолжил: — В общем, у нас, может, не так креативно, как у рекламистов, но зато доступно для понимания. Всё что надо, мы выделили, сделали упор не только на учёбе, что для поступающих тоже важно. Как-то так, что ли.

В аудитории воцарила тишина. Я переводил взгляд с одного «экзаменатора» на другого, ожидая ответа. Первым отмерла Аллочка. Она противно улыбнулась и кивнула на дверь:

— Свободны. Флешку оставьте. О результатах узнаете завтра.

Я стоял пару секунд, пытаюсь считать реакцию с их лиц, но всё равно ничего не понял. И пришлось выйти к своим ни с чем.

— Ну чего там? — сразу же подскочила ко мне Женька и затрясла меня за плечи.

— Ничего. Завтра результаты. А... — я прервался и недоверчиво посмотрел за Женькину спину: на стуле сидел Костик, рядом стояли костыли, а сам Костик улыбался и выглядел довольно расслабленным.

— Пришёл-таки! — выпалил я, подходя к нему, уже не обращая внимания на Женьку.

— Но опоздал. Надеюсь, ты не спустил всё в трубу, — Костик внешне вроде не напрягся. — Эх, надо было лучше время рассчитать, иначе надавил бы на них ещё и с помощью сломанной ноги.

— Да уж, — я фыркнул и упал на стул рядом с ним, внимательно наблюдая за изменением его лица. Костик ответил на мой взгляд, приподнял брови и уточнил:

— Ты чего?

— Что ты решил? — объяснять «чего я» при всех явно было ни к чему, но Костик и так мог понять. Гошка, стоящий рядом, вот точно понял, от него сразу повеяло напряжением. Идиот ведь. До сих пор не верит, что я действительно решил попробовать стать пай-мальчиком. Я и сам не до конца верил, но опыт последних недель подсказывал обратное.

— А что я решил? — Костик откинулся на спинку стула, покрутил в руках взятый парой секунд ранее костыль и поднял на меня взгляд: — Куда я от тебя денусь? В одной группе учимся, а ты ещё и вылететь умудришься, если я тебе лекции вовремя не буду давать, — уголки его губ чуть дрогнули, и я облегчённо выдохнул. Всё-таки Костик — святой человек, с этим не поспоришь.

В десятку мы не прошли даже близко, все места заняли рекламисты, дизайнеры и неожиданно филфак с ин-язом. Обидно, конечно, но мы горевали недолго: пару дней покутили, потом устроили домашний междусобойчик у Костика, который, в силу сломанной ноги, шататься с нами по клубам и кафешкам не мог, а после и успокоились. Гошка даже сказал, что так лучше — может, что и выучит к сессии, а знания авось и пригодятся. Он меня, конечно, подбадривал, потому что, как все узнали, что мы не прошли, Женька на меня набросилась с обвинениями. Но вскоре успокоилась и решила, что телезвездой быть скучно.

— Нет, серьёзно, нам пора, — Гошка пытался отвертеться и отпихнуть меня, но как-то слишком слабо для того, кто на самом деле хотел сопротивляться. Я снова зажал его в туалетной кабинке, на полноценный минет не было времени, но вот на пару поцелуев ещё оставалось. — Скоро звонок будет, Димыч. Прекрати, — на поцелуи он, впрочем, отвечал. И я не мог остановиться. Три дня уже не получалось остаться с ним наедине, Гошка то ли избегал меня, то ли так получалось, но факт оставался фактом. А три дня без тактильного контакта становились для меня катастрофой.

Я пошарил руками по его телу, через джинсы сжал пах и прошептал ему в губы:

— Кажется, ты не слишком-то и против.

— Димыч, — просяще простонал Гошка. — Правда, прекрати.

— Только с одним условием.

— С каким? — кажется, он облегчённо выдохнул.

— Мы попробуем ещё раз. Сегодня. А если не получится, то попробуем наоборот. Тебе понравится, я обещаю, в любой позиции.

Глаза Гошки округлились, он даже дышать перестал и несколько секунд смотрел на меня недоверчиво-опасливым взглядом, словно сомневался в правдивости моего предложения.

— Серьёзно, Касьянов, я уже не могу терпеть. Ты меня динамишь, как девка какая-то.

Гошка молчал, но я не отпускал его, прижимая сильнее к стене. Под потолком раздалась трель звонка, и Гошка, поняв, что без ответа я его не отпущу, медленно кивнул:

— Хорошо. Попробуем.

Я удовлетворённо улыбнулся, снова поцеловал его — теперь уже коротко — и отпустил:

— Не смей сбегать, а то точно трахну так, что на всю жизнь запомнишь не в лучшем свете.

Гошка смущённо и привычно покраснел и вылетел из кабинки. Я вышел за ним, доставая сигареты. Гошка уже достиг двери, но обернулся и удивлённо уставился на меня:

— Ты идёшь?

— Позже. После такой победы над твоим стеснением нужно перекурить. Иди, скажи, что мне плохо там или ещё что. Минут через пятнадцать подойду.

Гошка кивнул, выскользнул за дверь, а я сел на подоконник и с удовольствием закурил, распахнув предварительно окна. Всё-таки такая победа стоила стольких дней воздержания от полноценного секса. Хоть в какой-то комбинации у нас должно выйти, а уже одно то, что Гошка согласился, едва ли не окрыляло меня.

Я глянул за окно и снова наткнулся на выдавший виды автомобиль. «Чайка», кажется. Ну и рухлядь, конечно. Теперь, правда, я знал, что на ней ездит Мироненко, который так стоически терпел Аллочку. И уважения к нему и к машине чуть-чуть прибавилось. Но от такого корыта я бы избавился, будь моя воля. Раритет раритетом, но ездить надо на том, что ездит, а не развалится в любую секунду.

К «чайке» внезапно подошли двое: Мироненко и ещё кто-то. Я невольно прищурился, стараясь разглядеть спутника. На никого из преподавов не похоже: куртка и шапка слишком уж молодёжные. Студентов возит, что ли? Но когда спутник Мироненко сел в машину, что-то говоря и размахивая руками, его лицо я успел разглядеть и чуть не выронил сигарету.

Никита! Тот самый чёртов Никита, друг Костика!

Внезапно в голове прояснилось, а память услужливо выдала картинку. Я на первом курсе, задержался в библиотеке и вспомнил, что забыл в одном из кабинетов толстовку, а на пути мне встретился Мироненко, который тащил едва ли не на себе парня с разбитой физиономией, втолкнул его в кабинет и запер. Дальше я поспешил удалиться, влипая в чужие конфликты не было моей привычкой. Но сейчас я точно мог сказать — это был Никита, тот парень. И всё встало таким предельно ясным, что я не удержался от смешка, поражаясь своей догадливости. И позднему зажиганию.

Чёрт, Мироненко и студент! Классика жанра, чтоб его. Кто бы мог подумать? Но... Костик ведь говорил, что у Никиты отношения стабильные и долгие, у этого чувака, который долбил в дверь, крича благим матом, чтобы его выпустили.

И даже несмотря на это...

Разве не чудесное подтверждение, что постоянные отношения в моём возрасте — это не так страшно и вовсе не миф, как уверяли меня почти все знакомые парни, с которыми я успел потрахаться? Кажется, я начинал верить в постоянство. И в то, что оно мне нравится.

Придётся мне с Гошкой это проверить.

Примечание к части Дорогие читатели, если кто не узнал, то Никита и Мироненко - это главные герои моей древней работы "Сюита сумеречной чайки" (<https://ficbook.net/readfic/153563>), я не смогла удержаться от того, чтобы не вплести их в сюжет об университете. Прошу простить мне эту маленькую вольность. В конце концов, именно их отношения повлияли на окончательное решение Димки и ХЭ в этой работе :)

Спасибо большое всем, кто дошел до конца, дождался окончания и был со мной в процессе!

mir-knigi.org